

Татьяна Грачёва

Материнский
ИНСТИНКТ

16+

Татьяна Грачева

Материнский инстинкт

«Автор»

2014

Грачева Т. А.

Материнский инстинкт / Т. А. Грачева — «Автор», 2014

ISBN 978-5-532-07746-1

С самого детства Яна видит странные, пугающие сны. Каждый раз, когда сгущаются сумерки, к ней приходят призрачные гости. И от них неизменно веет вечностью, одиночеством и страхом. Удивительный дар превратился в обременительную работу и стоил Яне семейного счастья. Она с удовольствием променяла бы его на простую, предсказуемую жизнь рядом с обыкновенным мужчиной. Но ей встретился Демьян, и теперь спокойствие не светит ни одному из них. Остается только молиться, чтобы приключение в старом доме, полном кошек, жутких фотографий и пыльных тайн, не закончилось трагедией.

ISBN 978-5-532-07746-1

© Грачева Т. А., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Пролог	5
1 глава. Лаборантка	6
2 глава. Вьюшка	18
3 глава. Сосед	25
4 глава. Годовщина	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Татьяна Грачева

Материнский инстинкт

Пролог

Сумбурное смешение красок, грубые угловатые мазки, словно на картине художника-импрессиониста, постепенно обрели узнаваемые контуры, проступили очертания мебели, ещё через несколько секунд перед Яной предстала крохотная, узкая, словно шкаф, комната. Двухконфорочная плита, небольшой холодильник, складной столик с ярко-синей скатертью. Вроде уютно, но совершенно не обжито, словно воображение не удосужилось дорисовать детали, оставив комнату схематичной, как чертёж.

Яна поёжилась от сквозняка. Единственное окошко в комнате и дверь плотно закрыты, но ледяной ветерок ощутимо шевелил волосы на затылке. Сосредоточив взгляд на собственных руках, она пропустила момент, когда её одиночество было нарушено появлением незнакомой женщины. Яна никогда не видела, откуда приходили гости: они просто появлялись из воздуха.

Лицо посетительницы, как обычно, было размыто, словно Яна смотрела на него через окно, занавешенное потоками дождя.

Гостья сложила полные руки на животе, подбородок мелко подрагивал.

Яна решила поторопить её.

– Я хочу вам помочь.

– Она так одинока. Спаси её. Катя хочет покончить жизнь самоубийством.

Крупные слезы покатались по её щекам, падая стеклянными шариками на пол. Дзынь-дзынь-дзынь. Яна проводила взглядом бусины и изумленно приоткрыла рот. Пол был прозрачным. Под ногами проплывали упитанные овальные облака, обласканные закатным солнцем. В каждом облаке угадывались черты старческих плачущих лиц. Яна встряхнула головой, стараясь не обращать внимания на необычные детали обстановки, и снова обратилась к гостье.

– Кто такая Катя? Ваша сестра, дочь? Как вас зовут?

– Дочка моя. Меня зовут Светлана Кулик. Катя живет в Юбилейном районе, по улице Западной, дом номер двадцать семь. Это первый подъезд. Район новостроек.

Едва женщина закончила предложение, как её силуэт начал растворяться, превращаясь в уносимую ветром разноцветную пыль. Остался только протяжный писк от последнего слова: «Помоги-и-и-и-и...»

Очертания кухни стирались. Когда пол под ногами окончательно исчез, появилось чувство парения над пустотой. Постепенно ощущение тоски уплывало вслед за тающей комнатой. К коже приникло тёплое уютное одеяло, Яна последний раз проговорила фамилию, адрес будущей самоубийцы и проснулась.

1 глава. Лаборантка

Автобус тронулся, вытолкнув расслабленных пассажиров из блаженной полудремы. Дождливое утро убаюкивало не хуже колыбельной, создавая иллюзию приближающейся ночи. Демьян недовольно поморщился, когда его колени ткнулись в переднее кресло, а книга выпала из рук. Девушка, стоящая рядом, и без того балансировала на одной ноге, опираясь на кресло. От резкого движения она потеряла равновесие, острый каблук её сапога проткнул верхние страницы, нанизывая их, как шампур. В утренней толчее поднять пострадавшую книгу оказалось проблематично, девушка извивалась, принимая немислимые позы, но ее рука безуспешно хватала воздух. Демьян наклонился, грубо обхватил её щиколотку и выдернул повреждённую книгу. Только потом он поднял взгляд.

– Доброе утро.

Девушка виновато улыбнулась.

– Извините. – Неискренняя улыбка испортила её симпатичное лицо. Взгляд придиричиво обследовал собеседника с ног до головы и на секунду остановился на прозрачно-голубых глазах.

Опережая возмущение, готовое сорваться с губ, Демьян раздражённо пояснил:

– Даже не думайте отчитывать меня за то, что не уступил место, – он слегка сдвинулся и показал тросточку. – К тому же, стоя, вы привлекли внимание трёх молодых людей ближе к двери, не помяли юбку и не порвали колготки.

Девушка молча отвернулась, демонстрируя то ли безразличие к мужчине, то ли округлую попку, туго обтянутую упомянутой шёлковой юбкой.

Демьян хмыкнул и закрыл испорченную книгу. На знакомство он и не рассчитывал. Во-первых, близкое общение с этой особой могло закончиться в тюрьме по статье «совершение несовершеннолетних», во-вторых, он прекрасно осознавал, что с первого взгляда мало кому понравится. Дело даже не в хромоте – это временное.

До того, как он вывихнул стопу, играя волейбол, он тоже не пользовался популярностью у женщин. Высокий, худощавый, жилистый, как гончая, лицо удлинённое, с острыми выдающимися скулами, не по-европейски узкие, слегка раскосые прозрачные глаза, большой рот с чётко очерченными губами и совершенно не дружественное выражение лица. Единственное, что ему самому нравилось в собственной внешности, – это зубы: ровные белые, один к одному. Но и это нельзя было отнести к скромным подаркам природы – благодарность заслужил старательный стоматолог. Демьян относился к тому типу мужчин, что до тридцати напоминают нескладных подростков, а потом за пару лет нагоняют свой возраст и приобретают породу, даже некоторую аристократичность.

Кроме матери, его никто никогда не называл красивым, мягкое и приятное «симпатичный» подходило к его холодной внешности меньше всего. Не человек – а сплошные острые углы. Даже взгляд – колючий, недружелюбный. Пока Демьян молчал и не двигался, производил отталкивающее впечатление, но когда начинал говорить, отторжение постепенно утихало, а иногда и проходило вовсе. Низкий бархатный голос обволакивал и очаровывал, а странное узкое лицо оказывалось подвижным и богатым на мимику. Когда он улыбался, что случалось нечасто, казалось, будто улыбаются даже его уши.

Последнее время пробки Краснодара превращали удовольствие иметь личное авто в обременительную роскошь. Многие горожане оставляли своих «скакунов» и пересаживались на общественный транспорт, предоставив право истерически сигналить и материться водителям автобусов и маршруток. Добираться таким способом до института, где Демьян преподавал психологию, было удобней, чем на машине. Свою недорогую иномарку он отогнал в гараж родителей, пылиться в паре с мотоциклом, изгнанным туда же три года назад.

Бесцеремонно растолкав студентов и школьников, кое-где помогая прокладывать путь тросточкой, Демьян выбрался на остановку. До начала занятий оставалось около сорока минут: хватит и кофе выпить, и лекции пролистать.

Уже три месяца преподаватель психологии Мороз Демьян Владленович, известный ранее среди студентов как Дмитрий Валентинович, обзавёлся новой кличкой – доктор Хаус¹. Прозвище не было обидным и подходило Демьяну, отражая не только временное увечье, но и характер. Он относился именно к тем преподавателям, которым не дают унижительные клички. Многие его не любили за жёсткость и бескомпромиссность, «купить» его экзамен ещё никто не смог, а тех, кто списал, он с лёгкостью вычислял. Репутация кровопийцы бежала впереди него и, как ни странно, помогала справляться даже с буйными первокурсниками. Байка о том, что один студент сдавал ему экзамен до самого утра, полностью поседел, а потом покончил жизнь самоубийством, была традиционной страшилкой. Как ни странно, но именно о таких педагогах спустя года выпускники отзываются с теплотой и уважением.

Демьян ожидал, что на кафедре будет не слишком многолюдно. Первая пара в расписании значилась только у четырёх преподавателей, двое из них чаще всего приходили прямо перед звонком.

Демьян толкнул дверь и, мельком оглядев помещение, поздоровался:

– Доброе утро.

Двух преподавателей, всегда приходивших не менее чем за полчаса до занятий, он увидеть ожидал, а вот присутствие Карины озадачило. Девушка всегда куда-то торопилась и всегда опаздывала. За неполный год, что она проработала в институте, только четыре раза приходила вовремя. Чаще её можно было заметить летящей по коридору на высоченных шпильках и с слегка растрёпанными волосами. Меньше всего Карина Нелейвода походила на педагога, скорее на студентку, причём далеко не отличницу. Она недавно окончила аспирантуру и всё никак не могла привыкнуть к новому статусу, одевалась, игнорируя дресс-код, никак не могла найти способ заставить студентов учиться и не флиртовать с ней.

Виктор и Сергей сдержанно кивнули, а девушка тремя длинными шагами преодолела расстояние до Демьяна и замерла в нерешительности. Сначала слегка качнулась вперёд, сделав едва уловимое движение руками, но не обняла, хотя явно собиралась это сделать. Он не двинулся, продолжая одной рукой опираться на трость, а другую даже не вынул из кармана.

– Наконец-то закончилась ваша дурацкая командировка. Как хорошо, что вы сегодня приехали! – Карина умудрялась даже при уважительном обращении оставаться фамильярной.

Демьян внимательно оглядел радостную девушку. Она, кажется, и не заметила задумчивости собеседника и продолжала рассказывать новости кафедры, накопившиеся за время его недельного отсутствия.

– Сделать вам кофе?

Демьян отреагировал только на этот вопрос:

– Нет. Спасибо, я сам.

Он направился к столику в углу комнаты, на котором располагалось все для чаепития но, дойдя до пустовавшего почти месяц стола лаборантки, остановился. Вообще-то, должность называлась иначе – секретарь кафедры, но все по привычке называли этих сотрудниц лаборантками. Цепкий взгляд прошёлся по книгам, разложенным около выключенного компьютера: только некоторые из них имели отношение к работе. В углу стола примостилась аляповатая рамочка с пухлыми дельфинами и подставка с множеством ручек разных цветов. Кроме этих предметов, указывающих, что одинокий стол теперь занят, он заметил блокнот с изобра-

---

¹ Доктор Хаус – герой одноименного сериала. Из-за хромоты ходил с тростью. Жесткий, прямолинейный, циничный человек.

жением какого-то небритого мачо-актёра и кружку с яркой надписью: «Спорт сделал из обезьяны homo sapiens».

Мельком оглядев признаки присутствия нового в коллективе человека, Демьян наконец добрался до чайника. Включив его, он бросил через плечо:

– Наверное, можно поздравить вас с днём рождения?

Карина даже не постаралась изобразить удивление, только устало закатила глаза.

– Офигенно, как приятно. Ну и как вы догадались?

Только после того, как горячий напиток заполнил кружку, Демьян нехотя пояснил:

– На полке торт, на столе около вашей сумочки открытка, у вас новая причёска, вы работаете почти год, а день рождения мы ещё не праздновали. – Демьян не стал добавлять, что обычно за полчаса до занятий девушка только просыпалась, а её искренняя радость по поводу его возвращения немного настораживала.

Карина кокетливо поправила волосы.

– Вот это, блин, потрясающе! – Она всплеснула руками. – Не скажу, сколько мне сегодня стукнуло, но разрешаю поздравить.

Демьян отставил кофе в сторону и, прихрамывая, подошёл к имениннице. Она даже закрыла глаза, пальцами непроизвольно сжала край юбки. Он легко коснулся её щеки.

– С днём рождения! – Демьян отстранился, чувствуя себя неловко, и попытался сгладить затянувшуюся паузу очередным фактом, выуженным из недр захламлённой памяти: – Больше тридцати процентов женщин начинают врать о своём возрасте начиная с двадцати девяти лет. Это невидимая граница для дам, с ужасом ожидающих старость. Мужчины тоже врут, но чаще преувеличивают.

Демьян подозревал, что Карина ожидает получить от него особенный подарок. Она вела осаду полгода и, скорее всего, уже была готова переходить в открытое наступление. Коллектив давно наблюдал за ними, словно за двумя вымирающими животными, обречёнными на продолжение рода. Карина не делала из своих чувств секрета, но стойко ожидала от Демьяна первого шага. Он же считал её слишком взбалмошной и не желал заводить на работе роман. Сегодня, судя по всему, они расставят все точки над «i».

Отгородившись от назойливой девушки открытым ноутбуком, Демьян углубился в чтение, продолжая обдумывать предстоящий разговор с Мариной.

Преподаватели Сергей и Виктор старательно делали вид, что не видели первого акта предстоящей драмы, но запоминали реплики, дабы пересказать отсутствующим сослуживцам. Карина вертелась перед зеркалом и на советы подготовиться к занятиям никак не реагировала.

– Сто лет, как я готова! У меня память уникальная, буквально фотографическая.

Сергей аккуратно протёр потеющую лысину и укоризненно качнул головой:

– Уволят вас, Карина Андреевна. Ещё пару донесений от Софьи Даниловны, и мы с вами распрощаемся, – несмотря на шуточный тон, он предупреждал вполне серьёзно.

Сергей как раз находился в том возрасте, когда седина окрашивает остатки шевелюры, а бес нацеливается в ребро. Молодые длинноногие барышни смущали его любвеобильное сердце, заставляя подтягивать оплывшее брюшко. Лишиться возможности лицезреть Карину он никак не хотел, хотя никаких радужных перспектив для себя не видел.

– Вы без меня закиснете в этом болоте. А я без вас не пропаду, – она по привычке вынула из сумки расчёску, но, вспомнив о том, что волосы у нее уже уложены, радостно воскликнула: – Придумала ещё одно изобретение – расчёска с отсеком для хранения мелочи. А, каково?

Демьян оторвал взгляд от экрана и саркастично усмехнулся:

– Не забудьте запатентовать вместе с пилочкой для ногтей с встроенным плеером и пирожными, которые при каждом укусе говорят: «Ты жирная корова».

Карина регулярно фонтанировала бредовыми идеями, обещая в ближайшем будущем войти в ряды гениальных изобретателей. Пока же её оригинальные задумки развлекали окружающих.

Ещё через десять минут подошла Софья Даниловна, самая возрастная преподавательница на кафедре. От отсутствия лаборантки страдала больше всего именно она, так как не хотела знакомиться с компьютером и по старинке писала лекции от руки. Предыдущая работница сбежала от вороха исписанных докторским почерком бумаг и регулярных звонков с приказами перепечатать ещё парочку листочков. Софья Даниловна уважала свой педагогический опыт и требовала такого же уважения от остальных. Она не умела пользоваться словами «пожалуйста» и «спасибо» и почти все беседы начинала с обсуждения новой диеты. Судя по ярлыку на одежде XXXL, ни одной из методик похудения на практике она не пользовалась.

Софья Даниловна отличалась необычной манерой речи. Говорила чётко, громко, но смысл сказанного с первого раза до слушателей доходил редко. Каждое слово в предложении она проговаривала с таким напором, что оно казалось самым важным, и при этом никогда не обозначала окончание фразы. Получалось одно бесконечное предложение с такой сложной синтаксической структурой, что студентам проще было заснуть на её лекциях, чем дожидаться окончания мысли. Словно из потёртых кубиков с частями рисунка из слов никак не складывалась целая картинка. Студенты посмеивались над ней, нарочно задавая вопросы с множеством современных технических терминов, и дали прозвище Диплодок. Видимо, кто-то прочел, что этот древний динозавр отличался внушительными размерами.

Естественно, Карину Софья Даниловна недолюбливала и желала «очистить» кафедру от этой легкомысленной особы. Заведующий кафедрой давно коллекционировал донесения и просьбы пожилой преподавательницы, на корпоративах после нескольких рюмочек зачитывал вместо анекдотов. К счастью для Софьи Даниловны, коллективные посиделки она порицала, а потому не представляла, как смешат всех ее гневные послания.

За несколько минут до звонка Демьян отправился в аудиторию. Рассматривая студентов рассеянным взглядом, он продолжал обдумывать предстоящий разговор с Кариной. Проще всего напомнить о разнице в возрасте или сделать упор на то, что он её не достоин и тому подобное. Главное – не обидеть чувствительную девушку, а то додумается до мужских трусов, кусающих отказавших негодников за причинное место.

Студенты рассаживались, громко переговаривались и с любопытством поглядывали на преподавателя. Лекции Демьяна Владленовича всегда были интересными: он умел удивлять нестандартным подходом к обучению, но больше всего они ожидали психологических тестов в конце занятия.

Оказалось, проще всего поразить и привлечь к обучению именно первокурсников. Привыкшие к классически строгим и назидательным учителям, вчерашние абитуриенты с открытыми ртами внимали тонкостям психологии, примеряя возможности использования этих секретов в жизни.

Не отрывая взгляда от ноутбука, Демьян обратился к аудитории:

– Кто расскажет, сильно ли пострадала машина Петренко в аварии? И кто посоветовал Марии Геаргидзе посмотреть «Римские каникулы²»?

Студенты зашумели и уже через секунду послышались первые выкрики:

– С Машкой понятно.

– Косит под Одри Хепберн!

– О Петренко как узнали?

– Да на кафедре растряндели уже небось.

– Кто такая Одри Хебирни?

---

² «Римские каникулы» – фильм 1953 года. Режиссёр Уильям Уайлер. В главных ролях Одри Хепберн и Грегори Пек.

Демьян выслушал все версии и прямо ответил:

– Одри Хепберн – знаменитая актриса середины двадцатого века. Наиболее удачный пример для подражания, во всяком случае для Марии. Мэрилин Монро и Бритни Спирс в интерпретации Маши пугали. С Петренко – сами гадайте. К концу пары выслушаю версии, наиболее правдоподобная будет оценена в баллах. А теперь запишите тему лекции и обратите внимание на слайды.

По ходу занятия он не раз отклонялся от темы, отвечая на пространные вопросы любопытных студентов, не раз бывало, что к звонку тетради так и оставались нетронутыми.

Когда листки с тестами выстроились в косую стопку на углу стола, Демьян вернулся к вопросу о машине Петренко. Тут же взметнулись руки желающих раздобыть баллы.

– Всё просто, вы ехали с ним в одном автобусе.

– Вы слышали его разговор с Кучеряевым. Со второй парты всё прекрасно долетает.

Последнюю версию предложила невысокая студентка, на которую Демьян поглядывал всю лекцию: барышня вела себя подозрительно, явно наклеивался повод побеседовать с куратором курса.

– Вам новая лаборантка всё рассказала. Дима – debil, чуть человека не сбил, она вовремя оттолкнула деда, а машина вписалась в столб. Хорошо, что никто не пострадал, а Петренко отделался испугом.

– Точно, Корейка уже похвасталась, – выпалил сам Петренко и сразу же сконфузился от того, что назвал лаборантку кличкой.

Демьян замер со стопкой тестов в руках, желание шутить сразу испарилось.

– Ни одной правильной версии. А тебе, Петренко, невероятно повезло, что ты не стал убийцей. Рано тебе ещё за руль, катайся на общественном транспорте.

Ответ как обычно лежал на поверхности. Петренко меньше месяца назад стал счастливым обладателем подержанной «Лады». Радость, что он теперь не пешеход, распирала его грудь, а гордость подталкивала к хвастовству. С ключами он не расставался даже в туалете, а чтобы все могли лицезреть доказательства его нового привилегированного положения, беспрестанно крутил на пальце брелок и клал его на парту на каждом занятии. Сегодня брелок отсутствовал, при этом лицо и кисти пестрели синяками трёхдневной давности, всегда ухоженные ботинки затоптаны, даже нижний край джинсов в грязи. Последняя деталь простейшей головоломки – выпавший из кармана вместе со жвачкой билет на автобус. Иногда нужно всего лишь быть достаточно внимательным, чтобы найти ответ.

У дверей кафедры Демьян на мгновение замер, прислушиваясь к громкому голосу Софьи Даниловны и ещё одному незнакомому. Его лицо недовольно скривилось: «Не хватало ещё стать свидетелем женской склоки, а ещё хуже – если попросят занять чью-либо сторону». Он толкнул дверь и, проскользнув в помещение, сразу же влился в компанию Сергея и Виктора. Мужчины увлечённо вслушивались в спор, демонстративно развернувшись спинами к источнику повышенных голосов.

Софья Даниловна нависла над столом лаборантки, загораживая своим широким силуэтом весь обзор, и негодуя потрясала стопкой напечатанных листков.

– Что такое камапасатуния и тробулитун?

– Понятия не имею. Так у вас было написано, – устало ответила женщина, демонстративно продолжая печатать.

Демьян сместился влево, чтобы рассмотреть новую сотрудницу, осмелившуюся открыто перечить Диплодоку. Этимология прозвища «Корейка» теперь не была тайной. Скорее всего, студенты сразу же записали её в китайки или японки, а она их поправила, а дальше уже сработала чья-то предсказуемая фантазия, превратив корейку в Корейку. Судя по чертам лица, кто-то из предков женщины «понаехал» с Востока. Кожа была смуглой, радужка – светло-коричневой. Несмотря на миловидность и миниатюрность девушки, Демьян определил, что ее возраст

приближался к тридцати годам. Под глазами залегли следы бессонной ночи, причёска выглядела неопрятной, а рубашка – помятой.

Детали внешности, вплоть до мозолей на ладонях моментально записывались в память. Демьян называл такой осмотр «сканированием». Он старательно запоминал мелкие подробности в окружении и во внешности человека, составляя в голове доскональный портрет. Чуть позже он решал: нравится ему новый знакомый или нет.

Виктор слегка наклонился в сторону Демьяна и доверительно сообщил:

– Чувствую, Яна у нас надолго не задержится.

– Кажется, вы такое и о Карине говорили, а она уже почти год оживляет нашу кафедру.

– Софья Даниловна её сожрёт и не подавится.

– Кстати, вы же куратор третьего курса? – дождавшись лёгкого кивка, Демьян продолжил: – Поговорите с Петренко – совершенно без царя в голове, и ваша Шалукова, кажется, беременна, присмотритесь к ней.

– Да ладно! По её объемной фигуре разве можно что-нибудь понять? Может, показалось? – с надеждой воскликнул мужчина.

Демьян снова прислушался к спору, отодвигая бормотание собеседника на второй план.

Лаборантка вяло реагировала на нападки Софьи Даниловны. Казалось, она даже не слушала и отвечала местами невпопад, словно дремала или витала мыслями очень далеко.

– Вы опять опоздали. Это уже совершенно недопустимо.

– Я была на тренировке, оттуда редко ходят автобусы.

Демьян удивлённо приподнял бровь, Яна явно лгала, к тому же эта версия меньше всего напоминала уважительную причину. Лгала она настолько легко и гладко, что её не выдал голос, даже жесты остались неизменными. Демьян сделал мысленную заметку: обнаружен ещё один тип людей, чью ложь почти невозможно обнаружить. Яне было всё равно, что она солгала, в этом не было никакого смысла, оттого даже тело не постаралось скрыть эту выдумку за мимикой и жестами.

– Текст без ошибок набрать не можете, – продолжила нападки преподавательница.

Демьян только подумал, что уж кому-кому, а Софье Даниловне точно не стоило напирать на этот недостаток, как Яна бесстыдно озвучила его мысль почти дословно:

– Я хоть как-то умею это делать.

Диплодок не ожидала такой бесцеремонной прямоты от новой сотрудницы и немного опешила. Этого промедления Яне оказалось достаточно, чтобы извиниться и выйти из комнаты.

Софья Даниловна обернулась, ища поддержки у коллег:

– Хамка, видали? Откуда таких набирают? Ладно бы компьютером владела, а то сидит для мебели, чужое место просиживает! – Она тяжело опустилась на стул, прижимая ладонь к объемной груди. – Что-то я разволновалась.

Виктор сочувственно кивнул, не желая открыто высказывать своё мнение. Тихий, словно высушенный мужчина выглядел существенно старше своих тридцати лет. Обладал едким, местами скользким чувством юмора, постоянно удивлял коллег познаниями в пошлых бородастых анекдотах. Он терпеть не мог конфликты и старательно избегал их. Если кто-то повышал голос, он, словно черепаха, вжимал голову в плечи. Когда буря утихала, выпрямлялся, вежливая улыбка возвращалась на его губы. Яна ему нравилась, а пожилую сотрудницу он уважал.

Демьян промолчал. С Диплодкой он тоже не особенно ладил и мысленно встал на сторону сбежавшей лаборантки. Зря, конечно, она так откровенно игнорировала Софью Даниловну, словно ей всё равно. Хотя... видимо, действительно всё равно. Безразличие к теме спора она не изображала, даже не постаралась быть вежливой. Видимо, собственные мысли и причина бессонной ночи волновали ее намного больше, чем возможность потерять работу.

Солгала насчёт тренировки, хотя спортивная фигура однозначно выдает в ней частую посетительницу спортзала.

Демьян налил две кружки крепкого кофе, подумав, добавил в одну две ложки сахара. Едва его чашка наполовину опустела, как прозвучал звонок и преподаватели разошлись по аудиториям. Демьян не торопился, сейчас у него было «окно», и он собирался подготовить доклад к предстоящему вечернему заседанию кафедры. Приближалось время осенней практики, и обязанность распределить студентов по учебным заведениям вменялась именно ему.

Когда в комнате никого не осталось, кроме Демьяна, вернулась лаборантка. Опустившись на стул, она сложила руки и опустила голову. Со стороны казалось, что она дремлет, но пальцы выстукивали лёгкую дробь на поверхности стола. Демьян подошёл ближе и поставил кофе около стопки книг. Из верхней, оказавшейся учебником японского языка, выглядывала закладка – членский билет стрелкового клуба.

– Кофе вам не повредит.

Яна вздрогнула и резко подняла голову. На щеке и носу отпечатались кнопки от клавиатуры.

– Спасибо, – натянуто выдавила она, рассеянно разглядывая неожиданно появившегося собеседника, – с сахаром?

– Две ложки, но на всякий случай не размешивал, – Демьян окинул взглядом новые предметы на столе и добавил: – Хотя сладкое вы любите.

Яна молча сгрэбла со стола фантики от конфет и устало улыбнулась.

– Что-то я вас не припомню. Вы с другой кафедры? – Пристальный взгляд мужчины её раздражал. Его лицо показалось странным и некрасивым, но голос завораживал. Низкий, глубокий, с лёгкой вибрацией, а дикция удивительно четкая. Слова выкладывались, будто камни в фундамент, веско и правильно.

– Меня зовут Демьян Владленович. Я с этой кафедры, просто у нас ещё не было возможности познакомиться. Только вчера я вернулся из командировки.

Она кивнула, но он был уверен, что она не слушает и завтра его отчество снова видоизменится, например, во Владимировича.

– Яна, – она привстала и по-мужски протянула руку.

Демьян пожал узкую жёсткую кисть, отметив, что женщина не спешит выдёргивать пальцы.

– Ким, Ли или Пак?

Демьян буквально просвечивал насквозь рентгеновским взглядом, но Яна не отводила глаз и даже не смутилась от такого пристального внимания.

– Почему не Мун или Цой? – Её голос выражал равнодушие, словно она из вежливости поддерживает разговор.

Пальцы наконец разжались, она села, механическим жестом выровняла книги в стопке и вставила разбросанные ручки в пенал.

– Потому что сорок пять процентов корейцев носят эти три фамилии. – Демьян отметил, что при внешнем спокойствии и почти неподвижности Яна постукивает левой ногой по ножке стула.

– В принципе, верно. Ли. Не говорите Диплодоку, что я спала. – Она сделала пару глотков кофе и снова улеглась на клавиатуре.

Демьян вернулся к своему ноутбуку. Пока Яна дремала, он несколько раз поглядывал в её сторону. Деталей, по которым определялся характер этой женщины, было много, даже с избытком, только вот цельный образ никак не складывался. До сегодняшнего дня мужчина был уверен, что в тупик его ставят только пьяные люди. Видимо, ошибался.

Увлечённый написанием доклада, Демьян не обратил внимания на звонок и не успел подготовиться к возвращению Карины, которая влетела в комнату, но, увидев спящую лаборантку, резко остановилась.

– Янка, полундра! Динозавра идет!

Яна резко села и пригладила волосы, взгляд всё ещё оставался затуманенным. Она встряхнула головой и пробормотала:

– Колокольчик на шею ей надо, а ещё лучше царь-колокол.

Карина засмеялась и хотела поддержать шутку лаборантки, как услышала недовольный голос Демьяна.

– Кое в чем я согласен с Софьей Даниловной. То, что вы спите на работе, – недопустимо.

Вошла Диплодок, придирчиво оглядела лица преподавателей, заметив помятую щеку Яны, недовольно скривилась.

Опережая поток возмущений, лаборантка быстро выпалила:

– Я собираюсь в столовку в соседний корпус, кому-нибудь что-нибудь принести?

На какое-то время повисла пауза. В тишине громкое урчание голодного желудка Софьи Даниловны подсказало, что она оставит негодование на потом.

– Если будут пирожки с яйцами, возьми четыре штучки и ватрушку с творогом, – она задумалась, вспоминая меню на четверг, – и диетический капустный салат.

Яна схватила сумку и собралась уходить, когда её остановил возглас Карины:

– Сегодня после заседания кафедры будем резать торт. Я сегодня именинница, между прочим.

Яна кивнула, решив, что напоминание было сделано ради подарка, который, кстати, ещё не был куплен. Собранные деньги вручили ей ещё вчера, но выкроить время на выполнение поручения не получилось.

После съедобного подношения Диплодок подобрела и оставила недовольство на следующий раз. Новая лаборантка давала много поводов для нравоучений и возмущения, поэтому ждать в любом случае долго не придётся.

К заседанию кафедры, а точнее к празднованию после него Карина обновила причёску и макияж, даже успела сделать маникюр. Меньше часа назад она вышла из салона красоты, но на одном ногте уже красовался двойной слой пластыря. Никто никогда не видел, чтобы у неё все десять ногтей были в полном порядке, словно она изначально делала такой оригинальный маникюр.

Демьян наблюдал за непоседливой девушкой, проигрывая в голове возможные варианты отказа. Самое ужасное, что им ещё работать вместе, а инфантильность и гормоны вышибали из головы Карины адекватные мысли. Он ни разу не оказывал ей знаков внимания, но девушка почему-то решила, что её агрессивный флирт увенчается успехом.

Когда заведующий кафедрой Арсений Павлович зачитал последний доклад, время близило к восьми вечера, за окном повисли сумерки, а дождливая погода в паре с монотонностью заседания навевали сон.

Еле дождавшись окончания нуднейшего мероприятия, Карина вскочила и схватила Яну за руку.

– Нужно торт порезать и всякое там съестное сервировать.

Остальные преподавательницы молча поплелись следом.

Пока женщины накрывали на стол, мужчины вышли на улицу покурить. Демьян отправился вслед за ними, хотя не курил и даже не пробовал. Ещё с детства он проявлял редкостную рассудительность, отказываясь от вредных привычек в пользу здоровья. Сейчас же он решил, что лучше подышать едким дымом, чем дать имениннице лишний повод для заигрывания.

Поздравление началось с того, что Карине вручили огромного белого медведя. Девушка радостно взвизгнула и кинулась всех обнимать. Дойдя до Демьяна, она заговорщически шепнула ему на ухо:

– Я знала, что вы догадаетесь, о чём я мечтаю.

Он немного отстранился.

– Это идея Яны, я предлагал энциклопедию.

– Шутник, – смутилась она, даже не засомневавшись в верности своей гипотезы.

Когда первая пустая бутылка вина переключивалась под стол, веселье вышло на новый уровень. Включили музыку, разговоры стали свободнее и разнообразились анекдотами. Демьян не пил и сосредоточенно наблюдал за подвыпившими коллегами. Уже в который раз он убеждался, что узнать истинное «я» человека можно, напоив его. Вроде приличный воспитанный индивид оказывался хамом и пошляком, стоило только разбавить кровь спиртом.

Мысленно всех людей Демьян разделил на пять категорий, положив в основу классификации именно пьяное поведение. Первую группу составили «Шутники» – под действием алкоголя самые приятные особи. Любители веселиться, танцевать и всячески развлекаться, а главное – безобидные. Вторая группа – «Драчуны». Этим стоило чуть-чуть принять на грудь, как у них начинали чесаться кулаки, женщины тут же припоминали прежние обиды и начинали скандал. «Плаксы» принимались нудить и жаловаться на своё жалкое существование. В отличие от предыдущей группы, эти слезливые личности были не опасны, но очень уж неприятны. У «Любовников» срывало тормоза, они тут же открывали сезон охоты на противоположный пол. Если хватало силы воли, то пьяные приключения заканчивались стыдливими воспоминаниями о поцелуях в тёмных коридорах, но иногда и в чужих постелях. «Сурки» руководствовались одним-единственным инстинктом: нажрался – спи. Словно у них срабатывал предохранитель, защищающий от необдуманных и, возможно, постыдных поступков. Карина явно относилась к «любовникам», и это ещё больше осложняло ситуацию.

Яна всего два раза подносила к губам стакан с шампанским, но Демьян заметил, что она только смачивала губы, а не пила. Её пальцы нервно постукивали по столу. Неосознанно она провела левой ладонью по правой кисти и, остановившись на безымянном пальце, словно прокрутила невидимое кольцо, тут же непроизвольно отдернула руку и продолжила нервную дробь по столешнице. Виктор, сидевший справа от неё, упорно уговаривал её выпить и сам не отставал.

Под воздействием алкоголя он раскрепостился, выпрямил плечи и осмелился проявить свой знаменитый пошлый юмор. Его взгляд блуждал, внимательно осматривая собеседницу. Развернувшись всем телом, он даже наклонился вперёд, чтобы не упустить ни одного её слова или взгляда, лицо украсилось широкой улыбкой, даже голос изменился, став более низким и хриплым. До сегодняшнего дня Демьян был уверен, что тихий, замкнутый коллега – обычный «сурок», но сейчас он явно проявлял признаки «любовника». Яна нравилась Виктору, и он даже не скрывал симпатии, а вот лаборантка чувствовала себя неловко и нервничала. Отстранялась, отводила взгляд и постоянно переставляла предметы на столе.

Выдержав ещё несколько минут, Яна извинилась и попрощалась с коллегами. Виктор сразу поник и налил себе новую порцию вина.

Демьян проводил лаборантку взглядом и посочувствовал самому себе. Он не может вот так просто улизнуть с затянувшихся посиделок. Словно подтверждая его мысль, рядом села Карина и жалобно попросила:

– Вы же проводите меня, Демьян Владленович? Боюсь, в таком состоянии я не доберусь без приключений, – она весело рассмеялась. – Такую услугу нужно изобрести – доставка пьяных к дверям дома, и чтобы ещё раздели, смыли косметику и огурчики на уставшие глазки положили.

– Ваши пьяные идеи ещё бредовее трезвых, – он поднялся и взял тросточку. – Берите вашего монстра плюшевого и поехали.

Пока Карина прощалась с коллегами, Демьян вызвал такси и уже ожидал её на ступенях. Схватив огромного медведя и букет колючих роз, он, прихрамывая, направился к машине. Имениннице пришлось самой усаживаться в автомобиль.

Пока такси добиралось до указанного адреса, Карина несколько раз намеревалась привалиться к плечу спутника и даже чмокнула один раз его в щёку.

– Дёма, Дёма, поздравь меня ещё раз, – она как-то легко и незаметно перешла на «ты», сократив имя до детского прозвища. – Не помню, я уже спрашивала: тебе нравится мой Мишаня?

– Нет. Не представляю, куда вообще в квартире можно спрятать это чудище, – как всегда прямо ответил Демьян.

– Я буду с ним спать, – Карина зевнула. – Ну, если не найдётся другого претендента на мою кровать.

Демьян не улыбнулся, сейчас он мечтал, чтобы поездка быстрее закончилась, и пьяная сотрудница не успела его поцеловать.

Таксист плавно затормозил и назвал цену поездки.

Не ожидая, пока Карина найдёт кошелёк, Демьян достал деньги из своего кармана. Вытащив медведя, он уложил его под козырьком подъезда, взял полусонную девушку за руку и вытянул из машины. Дождавшись, когда она вспомнит код, втянул под крышу дома и замер перед лифтом.

– Какой этаж?

– Седьмой, кажется, – сонно пропела Карина, цепляясь за рукав Демьяна.

В узкой кабине лифта она без стеснения прижалась к нему, не обращая внимания на шипы роз. Её глаза влажно блестели, волосы растрепались, помада смазалась. Карина очень удачно остановилась на той степени опьянения, когда алкоголь раскрепощает и придает сексуальность, ещё немного, и она была бы неприятна.

Демьян подозревал, что она больше изображает охмеление, используя его как оправдание для фривольного поведения. Вряд ли он удивится, если завтра она изобразит временную потерю памяти.

Лифт дёрнулся, останавливаясь на седьмом этаже. Карина оглядела лестничную площадку и радостно воскликнула при виде двери собственной квартиры, будто та могла сбежать или спрятаться. Он молча проследовал за ней, небрежно подтаскивая за лапу медведя. Немного повозившись с ключами, хозяйка все-таки справилась с замком и гостеприимно распахнула двери.

– Милости прошу.

Демьян пристроил гигантскую игрушку в прихожей, рядом уложил пышный букет и мельком оглядел коридор. Обстановка оказалась вполне ожидаемой. Очень много предметов, ярких, заметных, начиная с красных обоев с чёрными цветами и заканчивая огромным зеркалом в толстой золоченой раме. На первый взгляд, чисто, но психолог мог бы поспорить, что, если открыть дверцы шкафа, оттуда вывалится гора мятной одежды.

– Я, пожалуй, поеду.

Карина замерла с сапогом в руке, а другой небрежно отшвырнула под обувную полку.

– Может, кофе? – На какое-то мгновение её мутный взгляд стал совершенно трезвым.

Демьян отступил к двери и плотнее запахнул пальто.

– Кофе на ночь? Можно стакан воды, и я поеду.

Карина развернулась и, покачивая бёдрами, направилась на кухню. Время ожидания немного затянулось, Демьян нетерпеливо топтался на месте. Настораживала слишком уж быстрая капитуляция. Столь буйная активность не могла так быстро утихнуть.

Карина вернулась спустя пять минут без стакана воды. На кухне также осталось её платье. Демьян несколько секунд смотрел в ожидающие тёмные глаза, потом опустил взгляд и внимательно её оглядел. Чёрное белье больше обнажало, чем прикрывало тело. Волосы тёмными волнами красиво обрамляли лицо. Женственная, слегка полноватая в бёдрах фигура, пышная грудь и небольшой животик – всё смотрелось очень сексуально.

Карина вплотную приблизилась к нему и слегка прижалась к его губам.

– Останься.

Демьян дёрнул головой, уходя от поцелуя.

– Я не из тех жеребцов, что постоянно носят в кармане презервативы.

Она на мгновенье задумалась и снова пошла в наступление.

– Что-нибудь придумаем. Останься.

Демьян с удивлением понял, что колеблется. Твёрдое намерение отказать таяло под настойчивыми ладонями Карины. Он бросил взгляд на медведя, укоризненно смотрящего неживыми глазами, и неожиданно для самого себя выпалил:

– Хорошо. Дай я хотя бы разуюсь.

***

Только утром осознание легкомысленного поступка преобильно стукнуло Демьяна по голове. Он даже не пытался найти себе оправдание: вчера был совершенно трезвым, поэтому переложить ответственность на алкоголь не получалось. Быстро одевшись, он заглянул в ванную и кое-как привёл себя в порядок. Когда он вернулся, Карина уже проснулась и, приподнявшись на подушках, расправляла по обнажённой груди волосы. Увидев серьёзное лицо ночного любовника, она сникла, её брови нахмурились.

Демьян замер около кровати с носками в руках.

– Доброе утро. Я не знаю, что тут сказать. Это была не ошибка, но теперь проблема. Все-таки нам вместе работать. – Его прозрачно-голубые глаза смотрели равнодушно, только пальцы нервно перебирали ткань.

Карина опустила взгляд, сосредоточившись на руках Демьяна, несколько часов назад так страстно ласкавших её тело. Даже во время секса он не был многословен, хотя на её настойчивые вопросы: «Тебе хорошо?» он спокойно отвечал согласием. На волне чувств ближе к утру она намеревалась признаться ему в любви. Теперь же была рада, что вовремя прикусила язык.

– Не проблема, – с вызовом воскликнула она, – всё как раньше. Считаю, что это был твой персональный подарок.

– Спасибо, – не к месту поблагодарил Демьян, с опозданием осознав, что это звучит оскорбительно.

Надев носки, он вышел в коридор, даже не ожидая, что Карина будет его провожать. Но она накинула халат и подошла к двери. Открыв замки, отстранилась и широко улыбнулась. Демьян очень хотел бы верить этой улыбке, только вот Карина явно лгала, а тело выдавало эту ложь. Улыбка вышла кривой, левый угол рта только слегка приподнялся, а рука сжалась в кулак.

Она уже намеревалась захлопнуть дверь, когда он резко остановил её.

– Если вдруг ты забеременела, должна мне сказать. Даже не думай делать аборт, не поговори со мной.

Карина запрокинула голову и неискренне рассмеялась:

– Чувшь собачья. Один-единственный раз. Ты, знаешь ли, уже не в том возрасте, когда сперматозоиды сумасшедшие и настойчивые. Будь спокоен.

Демьян слегка удивился напоминанию о его годах. Тридцать шесть лет – далеко не старость, пожалуй, рановато и для полового бессилия.

Выйдя на улицу, он сразу попал под дождь. Крупные капли застучали по голове, словно мелкие камешки, выбивая воспоминания о бурной ночи. Осеннее небо придавило город, касаясь высоких зданий. Демьян медленно пошёл на остановку, изумляясь, что его мысли занимает посторонний вопрос: как закончился вечер у Яны?

2 глава. Вьюшка

Утром Яна совершенно не думала о работе и коллегах. За неделю, что она обитала в институте, никто не привлек её внимание, только с Кариной и подружилось. Девушка оказалась жизнерадостной, легкой в общении (именно этого не хватало самой Яне), даже нападки Диплодока не портили Карине настроение. Остальные коллеги, словно безликие манекены, не оставили следа в памяти. Яна даже имён их не запомнила. Приходила на кафедру, без рвения выполняла несложную работу и сбегала, чаще раньше окончания рабочего дня.

Яна легко заводила знакомства и так же легко расставалась с людьми, которые ещё день назад обещали звонить и навещать. Работу она меняла часто и никогда не была карьеристкой. Ее диплом учителя ни разу не использовался по назначению. За последний год она сменила уже три места работы. Чаще всего её тактично просили уволиться из-за прогулов и утренних опозданий. Энтузиазма нерадивая подчиненная не проявляла, не соглашалась на переработку и редко посещала корпоративы. Сдружиться с коллегами у неё просто не было времени, да и желания тоже. Как долго она задержится на кафедре, Яна не знала, но подозревала, что непримиримая Софья Даниловна не успокоится, пока не выживет её из института.

Когда Яна проснулась, ночь ещё цеплялась за подоконник, дождь барабанил в стекло, создавая атмосферу, когда хочется закутаться в одеяло и не вылезать из уютного кокона. Она приподнялась и взяла с прикроватной тумбочки блокнот. На клетчатом листе неровными строчками записала адрес и фамилию.

Наскоро умывшись, Яна натянула джинсы, нашла на стуле серую футболку сомнительной чистоты. Слегка прияхалась и скривилась. После вчерашней тренировки запах пота въелся в ткань. Откинув футболку в сторону, она быстро натянула мятую рубашку из шкафа, запихнула за ремень джинсов травматический пистолет, накинула куртку. Уже спускаясь по лестнице, вызвала такси. К счастью, машину долго ждать не пришлось. Через десять минут Яна уже подгоняла водителя, нетерпеливо ёрзая на сиденье.

Расплатившись с таксистом, она вышла на улицу и сосредоточенно оглядела высокие дома. До рассвета оставалось ещё около получаса, ярко горели фонари, освещая глубокие лужи вдоль тротуаров, промозглое утро запросто можно было спутать с поздним вечером.

Нужный дом Яна отыскала быстро. Поднявшись по ступеням, замерла перед дверью. Как и следовало ожидать, вход в подъезд преграждал кодовый замок. Приглядевшись, она заметила, что три кнопки гораздо меньше поедены ржавчиной и даже слегка сверкают от частого вдавливания. Она даже не рассчитывала на такую удачу – самый простой незатейливый кодовый замок. Пальцы пробежались по кнопкам, нажимая на них по очереди. Дверь оставалась неподвижной. Тогда Яна надавила на три кнопки одновременно. Тут же раздался щелчок. Проскользнув в тёплый подъезд, Яна подошла к ближайшей квартире. Жильцы ещё не успели обзавестись звонком, пришлось их будить настойчивым стуком в дверь.

Раздалось неспешное шарканье ног, глазок потемнел, и дверь слегка приоткрылась. На пороге стоял заспанный и жутко недовольный мужчина.

Опережая возможную грубость бесцеремонно разбуженного хозяина, Яна быстро выпалила:

– Где живет Светлана Кулик?

Взгляд мужчины обрёл чёткость.

– Кулик? Чё-то знакомое. Катька Кулик на пятом этаже. Светланой, кажется, её мать звали. Так она умерла недавно, – закончив предложение, мужчина сконфузился, решив, что вот так в лоб сообщил новость о смерти, возможно, родственнице или подруге покойницы.

– Квартира какая? – спокойно уточнила Яна, поправляя рукоять пистолета под курткой. Заспанный хозяин почесал стопой волосатую голень и нахмурился:

– Не знаю. Кажется, на той же стороне, что и моя квартира. Номер не знаю.

Яна кивнула.

– Спасибо, – после секундного колебания нехотя добавила: – Смените код на подъезде, кто угодно зайдет к вам.

– Легко! – с неуместной гордостью объявил мужчина, обводя взглядом первый этаж подъезда. – Скоро домофон поставим.

Только сейчас Яна обратила внимание на терпкий запах мочи и небольшую свалку под лестницей.

Она быстро поднялась на пятый этаж, только слегка запыхавшись, и остановилась перед дверью. Ей уже приходилось сталкиваться с несостоявшимися самоубийцами. Обычно это были сломленные одинокие люди, жертвы насилия или унижения, действительно не видящие иного выхода. Правда, один раз ей пришлось спасти подростка, решившегося вскрыть вены из любопытства и жажды острых ощущений. Он слишком заигрался в эмо³. Захотелось впечатлить друзей видеозаписью собственного суицида.

Сейчас у Яны не было плана, она просто рассчитывала уговорить девушку не совершать этот поступок.

Выдохнув, она нажала кнопку звонка.

Дверь открылась почти сразу. Молодая хозяйка квартиры не спала. Нежданное появление гостя не вызвало у неё даже тени удивления. Растрёпанные светлые волосы, красные глаза, впалые щёки – неопрятная внешность выдавала бессонные ночи и море пролитых слёз.

Катя отступила назад, без разговоров приглашая войти совершенно незнакомого человека. Яна прошла в аккуратную уютную квартирку, заполненную сигаретным дымом. Хозяйка пересекла коридор и зашла на кухню. Молча устроилась на табуретке, поджав под себя ноги, дрожащие пальцы вынули из пачки очередную сигарету.

Яна села напротив и, не отрывая пристального взгляда от девушки, представилась:

– Я знала вашу маму.

Девушка слегка вздрогнула, пальцы непроизвольно сломали сигарету.

– Мама умерла, – сухо констатировала она, извлекая из пачки новую сигарету.

Яна придвинулась ближе и попыталась поймать взгляд собеседницы. Глаза Кати были совершенно пустыми, будто стеклянными.

– Вам завтра на работу?

– Нет. Меня, наверное, уже уволили, я там месяц не была.

Она прикурила сигарету и, глубоко затянувшись, выдохнула дым прямо в лицо Яне.

Поведение, внешность хозяйки, её неосторожность явно говорили, что она уже решила на роковой шаг.

Яна отклонилась назад и прямо сказала:

– Вы не должны этого делать. Это не выход. Светлана точно не хотела бы такой судьбы для вас.

Девушка даже не шелохнулась, только глаза подозрительно прищурились, присматриваясь к Яне.

– Да что вы говорите! Вы мою маму знали лучше, чем я? – Голос вскипел негодованием. – Почему же она тогда сама это сделала?

Яна изумленно уставилась на девушку, эхом повторив её последние слова:

– Сама это сделала?

Катя неожиданно протяжно вскрикнула и стала биться головой о стол. Яна привстала и, схватив её за плечи, удержала от очередного удара. Чёлка девушки висела в паре сантиметров

---

³ Эмо – (англ. *emo*: от *emotional* эмоциональный) – молодёжная [субкультура](#), образовавшаяся на базе поклонников одноимённого музыкального стиля. Выражение [эмоций](#) – главное правило для эмо.

от столешницы, тлеющий кончик сигареты почти упёрся в скатерть. Она не плакала, даже не всхлипывала, только мелко дрожала, словно от холода.

Встряхнув плечами, Катя избавилась от ладоней незваной гостьи и выпрямилась.

– Ей, значит, можно, а мне нет?

Яна снова села на табурет и серьёзно ответила:

– Никому нельзя, – она внимательно посмотрела в глаза девушке. – Катя, пожалуйста, просто послушай. Сейчас тебе плохо, одиноко, хочется волком выть и на стенку лезть, болит сердце, словно вырезали душу. Очень больно. Время не очень лечит, но притупляет.

– Какая банальщина. Мне всё равно, что будет потом. Я просто хочу, чтобы всё закончилось, – Катя откинула голову назад и резко выдохнула. – Там нет боли.

– Где там? – Яна снова привстала, пытаясь поймать блуждающий взгляд собеседницы. – На небесах? Боли нет. Там вообще ничего нет. Нет никакой жизни после смерти, пустота, темнота. Тебя просто не станет, – Яна очень надеялась, что это не так. Туманные сны явно свидетельствовали, что с окончанием телесного существования жизнь души не заканчивается. – Как ты решила это сделать?

Девушка вздрогнула. Осведомлённость незваной гостьи не удивила, она на самом деле ещё не думала о последних секундах перед смертью.

– Таблеток у меня нет, пистолета тоже. Наверное, порежу вены или спрыгну с крыши, – рассеянно перечислила Катя.

– Это больно. Ты представляешь, как это больно?

Катя замерла. О физической боли она забыла.

– Это не долго, – не очень уверенно произнесла она.

– Как знать. Может, не получится умереть, останешься инвалидом, – Яна встала. – Где твой телефон?

Катя оглядела кухню и неуверенно предположила:

– Может, в мусорном ведре?

Тонкий дорогой телефон и впрямь оказался среди мусора. Яна брезгливо вытерла мобильник полотенцем и протянула хозяйке.

– Наверное, куча пропущенных. Позвони подругам. У тебя же есть подруги? – дождавшись утвердительного кивка, продолжила: – Если решилась на такой шаг – заверши все дела. Ты должна быть уверена, что ничего не забыла, всех увидела, узнала всё, что хотела.

– Я книги не сдала в библиотеку.

Яна позволила себе лёгкую улыбку.

– Я приду около восьми вечера, раньше не получится. Мне нужна твоя помощь. Это очень важно, просто дождись меня. – В предыдущий раз эти нехитрые слова сработали. Парень, решивший совершить суицид, помогал ей искать любимого пса, которого, кстати, никогда у Яны не было.

Девушка рассеянно кивнула:

– Подожду.

Яна высыпала в урну окурки из пепельницы и укоризненно сказала:

– Никотин точно тебя убьёт, если продолжишь так дымить.

На работу Яна безнадежно опоздала. Внешний вид был совершенно неподходящим, она даже зубы не почистила. Расправив пальцами волосы, снова собрала их в более опрятный хвост, тщательно вытерла зубы краем рубашки, закинула в рот мятную жвачку. На работе куртку, скрывавшую мятую одежду, пришлось снять, и Диплодок не упустила возможность съязвить по поводу неряшливости лаборантки.

День начался обычно, за исключением того, что утром вместо завтрака Яна спасла чью-то жизнь. Потом оказалось, что у Карины день рождения, о чём Яна, естественно, забыла и из командировки вернулся преподаватель, которого она ещё не видела. С первого взгляда он

произвёл отталкивающее впечатление. Худой, неулыбчивый, прямолинейный, он поразил Яну притягательным голосом и необъяснимой харизмой, просвечивающейся через откровенную холодность. Позже она узнала, что он психолог, а одна из преподавательниц дала ему очень ёмкую характеристику: «Некрасивый мужчина, но чертовски привлекательный. Психолог не по профессии, а по натуре».

Весь день Яна не могла сосредоточиться на работе, мысли о Кате не покидали голову. Она переживала, что та не дождётся и что-нибудь с собой сделает. Победа над тягой к суициду казалась не окончательной. Предчувствие надвигающейся беды никуда не делось, просто на время утихло.

Заседание кафедры и празднование дня рождения Карины казались Яне бесконечно длинными, раздражали весёлые взгляды сотрудников и пьяные шутки Виктора, не отходившего от неё ни на шаг. Посидев для приличия полчаса, она взяла сумку и решительно покинула институт. Кавалер, преследующий её весь вечер, просто пропустил момент её ухода.

Домой Яна ехала на автобусе. Из головы совершенно выветрился утренний разговор с Катей, она забыла, что обещала её навестить. Бессонная ночь и переживания утомили, она даже не заметила, как сон склеил веки.

Пейзажи причудливо перемешались, продолжая двигаться и цепляться друг за друга острыми краями. Сумасшедшие цвета никак не складывались в чёткую картинку. Сквозь яркий kaleidoscope прорывался только голос, звенящий от волнения:

– Помоги, скорее, она сейчас прыгнет!

Яна вздрогнула и, прежде чем окончательно проснуться, вскочила с кресла, стукнулась лбом о стоящего впереди подростка. Тот злобно ругнулся и красноречиво покрутил пальцем у виска.

В голове зазвенело, Яна потерла лоб и кинулась к водителю.

– Остановите автобус!

От громкого возгласа шофёр резко дёрнулся, автобус вильнул влево, едва не задев обгоняющую легковушку.

– Сдурела, что ли! На остановке сойдешь! – Мужчина добавил ещё пару матов и злобный взгляд. Пассажиры, ближе всего стоящие к двери, согласно закивали, добавляя пару эпитетов и от себя.

– Человек сейчас умрёт! Остановите, говорю! – Яна не сдавалась. Её совершенно не волновало, что подумают окружающие и сколько грубости выльется на её голову.

Водитель бросил взгляд в зеркало заднего вида. В глазах сумасшедшей пассажирки были такие ужас и боль, что он больше ни секунды не сомневался и резко нажал на тормоза. Люди, некрепко держащиеся за поручни, полетели вперёд, послышались крики и новые порции мата. Яна выпрыгнула из дверей и побежала в сторону припаркованных такси. Сев в первую попавшуюся машину, она громко скомандовала:

– Юбилейный, улица Западная, дом пятьдесят семь. Срочно, это очень важно.

Через полчаса автомобиль затормозил у знакомого уже дома. Яна быстро расплатилась и вприпрыжку направилась к подъезду. Только тут она обратила внимание, что, несмотря на поздний вечер и густые сумерки, во дворе слишком многолюдно. Ближе к противоположному концу дома столпились зеваки, их взгляды были подняты вверх, лица выражали весь kaleidoscope эмоций: от ужаса до любопытства. Яна направилась в сторону толпы, уже догадываясь, что увидит. Все неотрывно глядели на самоубийцу, стоящую на краю крыши.

Не останавливаясь, Яна стремительно влетела в подъезд и понеслась по ступенькам. Каждый удар сердца отдавался в висках, отсчитывая ритм шагов, лёгкие сдавило обручем в предчувствии беды, мозг словно парализовало.

Яна выбралась на крышу. На фоне вечернего неба слабо выделялся силуэт девушки с раскинутыми в стороны руками. Их разделяло не больше пятидесяти шагов. Яна преодолела половину расстояния, когда Катя обернулась и замерла с широко открытыми глазами:

– Я была сегодня в церкви. Батюшка сказал, что душа бессмертна. Ты ошиблась.

Яна дёрнулась вперёд. Осталось несколько метров, но Катя не собиралась дожидаться и шагнула в пустоту, всё так же пристально глядя в её глаза.

Яна резко отпрянула, не желая видеть падение девушки, и зажмурилась. Тут же раздался глухой шлепок, улицу огласил протяжный женский визг, к нему добавились крики остальных зевак.

Она опоздала. Спустившись по лестнице, Яна незаметно покинула двор, где так трагично оборвались жизни двух женщин. Мать и дочь покончили жизнь самоубийством с разницей в один месяц.

Яна медленно брела, с трудом переставляя ноги и шаркая по тротуару, мозг отказывался работать. Это был не первый раз, когда её вмешательство ничего не меняло, но легче от этого не становилось. «Должно быть, так чувствует себя врач, когда на операционном столе умирает пациент».

Яна не помнила, как добралась до дома, словно телепортировалась. Она не могла даже с точностью сказать, на чём доехала: на такси или на автобусе. Просто спустя час стояла в своей прихожей. Одежда насквозь промокла, ботинки и нижний край джинсов разукрасились грязью. Яна смутно припомнила, что бежала.

После душа она устало опустилась в кресло и прикрыла веки. Из мыслей не выходил последний взгляд Кати перед роковым шагом. В нём плескались такое отчаяние и чёрная тоска, что сейчас от воспоминаний пробирала дрожь.

***

Эти сны всегда начинались одинаково. Пульсирующие, постоянно сменяющие друг друга картинки. Один сумасшедший пейзаж наползает на другой, вклиниваясь в него острыми осколками. Всё движется, закручивается, лопается дырами, словно фотоплёнка, режет глаза бешеной сменой кислотно-ярких цветов. Постепенно краски блекнут, картинка останавливается и оформляется во что-нибудь узнаваемое. Появляются голоса, незнакомые люди со смазанными лицами, словно их стёрли ластиком.

Яна видела такие сны с детства. Ещё маленькой девочкой она боялась странных кошмаров и пугала мать ночными истериками. До восьми лет она спала в кровати у родителей, отказываясь оставаться в одиночестве. Она не могла объяснить, почему боится ночи, просто каждый раз, когда сумерки сгущались, пряталась в объятиях мамы и с ужасом ожидала погружения во тьму? Её до жути пугали странные призрачные люди. От них веяло вечностью, одиночеством и страхом. Они пытались заговорить и преследовали её.

Сны приходили нерегулярно, не подчиняясь никакой цикличности. Иногда раз в неделю, иногда чаще, случались и счастливые месяцы спокойных мирных сновидений.

Яне было около девяти лет, когда родители впервые решили отправить её к бабушке в деревню. Зинаида Васильевна с радостью приняла внучку, даже не представляя, сколько бессонных ночей проведёт с ней за время зимних каникул. Предупреждения о странностях внучки не охладили желание наконец-то побыть в роли настоящей бабушки.

Почти неделю Яна была самым обычным беззаботным ребёнком. Играла с другими детьми в снежки, строила крепость из снега и с аппетитом поедала бабушкину стряпню. Отсутствие телевизора и других благ цивилизации она даже не замечала.

В ночь, когда Яна впервые отнеслась к своим снам не как к обычным кошмарам, а предупреждению, разыгралась самая настоящая буря. Низенький домик Зинаиды Васильевны

замело по самые ставни, ветер бился в окна, завывал в трубе, словно дикий зверь. Яна спала на печке, укутавшись в бабушкину шаль, и тихо посапывала. Сначала ей снился соседский мальчишка, «намыливший» её накануне снегом, потом его щербатая улыбка растворилась в мутном тумане, стиравшем очертания улицы. А потом началась знакомая уже какофония цветов и звуков. Спустя несколько секунд перед Яной предстала широкая поляна, украшенная тремя берёзками, ровными и белыми, словно с картинки. У одного из деревьев стояла высокая стройная женщина с белёсыми распущенными волосами. Даже на лице с размытыми чертами было видно, как дрожат её губы.

Яна сделала шаг вперёд и зло прокричала:

– Уходи из моего сна. Уходи!

Взгляд женщины остановился. Она упала на колени и, заламывая руки, зарыдала:

– Ты должна их спасти, умоляю! Они задохнутся, если ты не поможешь. Кума закрыла вьюшку⁴.

Яна как обычно хотела убежать. Приготовилась к тому, что странная женщина будет преследовать её в снах, но неожиданно заинтересовалась незнакомым словом «вьюшка».

Гостья обрадовалась, что её слушают, и быстро затараторила:

– В соседнем хуторе Камышин, в доме восемь по улице Садовой кума закрыла вьюшку. Спаси их, умоляю.

Яна не успела спросить, что такое «вьюшка», внезапно проснулась. Её руки дрожали, лоб вспотел, в голове вертелись последние слова женщины. Девочка слезла с печки и подошла к бабушке. Та дремала прямо в кресле с вязанием на коленях. Тронув за плечо, Яна тихо позвала:

– Бабуля, проснись.

Зинаида Васильевна нехотя открыла глаза и часто заморгала.

– Яночка, чего не спится?

– Бабуль, что такое вьюшка?

Бабушка привстала и недоуменно поглядела на Яну.

– Зачем тебе? Приснилось что? – Предупрежденная о снах заранее, она приготовилась утешать.

Яна нахмурилась и дословно повторила слова гостьи из сна.

– В соседнем хуторе Камышин, в доме восемь по улице Садовой кума закрыла вьюшку.

– Что ты бормочешь? Кто тебе сказал?

– Мне приснилось, – серьёзно ответила Яна.

Зинаида Васильевна молча накинула шубу, надела шапку и принялась укутывать Яну. Замотав её шарфом по самые глаза, она выглянула в окно и задумчиво пробормотала:

– Погодка поутихла. Дойдем.

Подгоняемые плотными потоками ветра, они вышли за край села и оказались в чистом поле. До Камышина вела грунтовая дорога, всего-то километр, но по глубокому снегу идти оказалось тяжело, хорошо ещё, что ветер дул в спину. Яна не плакала и не жаловалась, молча следовала за бабушкой, стараясь попадать в оставленные следы. Зинаида Васильевна торопилась, подтаскивая отстающую девочку за руку и поправляя на ее лице сползающий шарф.

Улицу нашли быстро, их на хуторе было всего две. Небольшой домик опознали по красной циферке, видневшейся в окне. В отличие от соседних хаток, из его трубы не шёл дым. Зинаида Васильевна поднялась на ступеньку и громко постучала в дверь. Ответа не было. Она смела со стекла налипший снег и заглянула в окно. Непроглядная темнота мешала рассмотреть даже очертания мебели. Яна топталась рядом и энергично тарабанила в другое окно.

---

⁴ Вьюшка – железная или чугунная [крышка](#), [здвижка](#), закрывающая [отверстие](#) в дымоходе или печке для прекращения тяги воздуха.

Зинаида Васильевна оглядела двор. Недалеко виднелись поленница и недоколотые бревна. В одном из них торчал топор. Она вынула его и вернулась к дому.

– Отвернись и закрой лицо.

Едва Яна успела натянуть капюшон, как услышала звон разбивающегося стекла.

– Иди к соседям, скажи, что нужна помощь.

Яна послушно побрела в соседний двор, не оглядываясь на бабушку.

Сейчас она уже не помнила, как ей удалось разбудить соседей и привести их к дому. Мужчина и юноша забежали в распахнутые двери, а она осталась стоять на крыльце. Бабушка вышла первой, держа на руках маленькую девочку, вслед за ней показался сосед, он нёс пожилую женщину. Казалось, они спят и видят очень хорошие сны. Спокойные счастливые лица, яркий румянец на щеках. Они выглядели такими красивыми, умиротворёнными. Последним вышел сын соседа. Невысокий подросток с трудом вынес рослую светловолосую женщину и уложил прямо на снег. Яна застыла с открытым ртом – это была женщина из её сна.

Позже бабушка рассказала, что несчастные обитатели дома под номером восемь угорели. Первой умерла женщина, её дочка и мама скончались немногим позже. Куму, решившуюся на убийство, вычислили быстро, потом она сама созналась, что приходила вечером в гости и закрыла вьюшку. Плакалась и клялась, что случайно, что не хотела никому зла, но в полиции не поверили её сбивчивой лжи.

Яна вернулась к родителям повзрослевшая. Тогда она впервые столкнулась со смертью и поняла, что странные кошмары – не просто сны. Ночью она уже не кричала, но, просыпаясь, заставляла родителей разыскивать незнакомых людей.

3 глава. Сосед

После тяжёлого дня возможность выспаться в выходной пришлось как нельзя кстати. Провалившись в кровати почти до обеда, Яна всё-таки нашла в себе силы подняться и почистить зубы. Голова гудела, мышцы словно налились свинцом. Такая разбитость всегда накрывала, стоило задержаться в постели. Как говорила бабушка, все бока отлежала. Утреннюю тренировку Яна уже пропустила, а потому решила прибраться в квартире и дожидаться вечернего похода за порцией эндорфинов.

Она всегда занималась спортом. Физическая нагрузка была обязательным компонентом её жизни. Первой секцией, принявшей Яну в свои ряды ещё в школьные годы, оказался баскетбол. Невысокий рост компенсировался подвижностью и меткостью, но борьбу под кольцом Яна неизбежно проигрывала более высоким соперницам.

С седьмого класса Яна записалась в пять секций: волейбол, туризм, стрельбу, теннис и карате. Уже через месяц она поняла, что режим дня просто не вмещает такую убойную порцию физической активности, к тому же запротестовал перегруженный организм. Пришлось от парочки секций избавиться. С тех пор Яна успела попробовать плавание, йогу, велоспорт, спортивные танцы и многое другое, не имеющее отношения к спорту. Теперь три раза в неделю она посещала тренажёрный зал, стрельбище и секцию рукопашного боя. Научиться драться вынудила сама жизнь. Перекраивая чужие судьбы, часто приходилось сталкиваться с агрессией – несколько раз Яна сама попадала в больницу. К тому же физическая нагрузка снимала напряжение и заряжала энергией. Если по каким-то причинам Яна пропускала занятия, то чувствовала себя нездоровой, становилась суетливой и нервной. Приползая домой после тренировки, она ощущала себя почти счастливой, после мышечной активности настроение неизменно повышалось.

Закончив уборку, Яна удовлетворённо опустилась в кресло. Любые манипуляции с пылесосом и тряпкой её раздражали, поэтому каждую субботу она ожидала с двойственным чувством: радость от возможности выспаться омрачалась необходимостью убирать жилье. Эта однокомнатная квартира досталась ей после развода почти два года назад. Светлый дом в хорошем районе Краснодара был продан, деньги поделены, номер телефона бывшего мужа стёрт из записной книжки.

Яна старалась не вспоминать годы брака, и стоило её мыслям направиться в эту сторону, как она бросалась на поиски чего-нибудь, чем можно занять голову, лишь бы не вспоминать этот период жизни.

Свеженький борщ увенчал хозяйственную часть выходного дня. С чувством выполненного долга она сложила спортивные вещи в сумку, спрятала в одном из карманов травматический пистолет и закрыла дверь.

На лестничной площадке Яна застегнула молнию куртки под горло и приостановилась, чтобы поздороваться с соседом. Юноша поселился в доме около полугода назад, когда его бабушке после инфаркта потребовался уход. Максим успевал учиться в институте и вполне прилично вести хозяйство. Судя по пирожкам, которыми он периодически угощал соседей, готовил парень куда лучше многих дам. Яна всегда с удовольствием принимала угощения от юноши, подозревая, что именно этот талант и поможет ему жениться. С виду невзрачный, сутулый, да ещё и в очках. Говорил мало и жутко краснел, принимая похвалу.

Максим подметал ступеньки, тихо напевая какой-то новый хит. Яне тут же стало совестно, что он единственный, кто убирает подъезд и вычищает пепельницу, примостившуюся на подоконнике. Он сам не курил, но послушно убирал за другими.

– Привет, Максим.

Юноша от неожиданности резко дёрнулся, чуть не выронив веник.

– Здравствуйте, Яна. Вы как кошка: я даже не слышал, как подошли.

Она пожалала плечами, указывая на бусины наушников в его ушах.

– Музыка громко слушаешь. Как бабушка?

Максим мягко улыбнулся.

– Сегодня с удовольствием позавтракала. Спала, правда, плохо. Бессонница. Говорит, что всё болит. Доктор уколы прописал, – печально закончил он.

– Передавай привет Марии Львовне. Будет время – загляну.

Яна уже спускалась, когда её догнали слова соседа.

– Вы только предупредите, я хоть пирог испеку!

Выйдя из подъезда, Яна от неожиданности зажмурилась. Почти неделю лил дождь, превращая дорогу и тротуары в полноводную реку с притоками, а сегодня наконец-то показалось ленивое солнце, бледное, словно после болезни. Для конца октября было слишком холодно. Хотя осень на Кубани всегда была какая-то сумасшедшая, могла даже снегом порадовать, а потом вдруг обмануть мрачные ожидания и ласково пригреть почти летним солнцем.

Яна быстро шла по улице, нарочно концентрируя внимание на мелочах и лицах людей, чтобы не думать о том, что произошло вчера. Она проиграла в поединке со смертью. С самоубийцами почти всегда случалось именно так.

Пять лет назад Яна уговорила продолжать жить симпатичного, но очень уж впечатлительного юношу. Он уверял, что его сердце разбито навсегда и смысл жизни утерян, но через год после этой судьбоносной встречи женился на своей спасительнице. С самого начала отношений Павел знал, насколько странная ему досталась особа. Но ни разница в возрасте (в ту пору Яне было двадцать пять, а ему девятнадцать), ни жуткие сны не смутили его, скорее даже привлекли.

Яна полагала, что Павел и есть тот самый принц, с которым она проведёт всю жизнь, может, даже умрёт в один день. Их чувства всё время находились на грани, перепады от обожания до ненависти выматывали не хуже туманных снов. Они ссорились, мирились, потом опять ссорились, дрались и ругались, пугая соседей. Часто не могли друг друга понять, обижались по несколько дней из-за бытовых мелочей. Яна называла его недомерком и молокососом, муж не оставался в долгу, обзывая её престарелой маразматичкой.

Они даже вставали утром в разное время. Павел никак не мог понять, как можно валяться в кровати до обеда, когда впереди куча дел. Он будил Яну, стаскивая за ногу с кровати. До нервного срыва его доводили её привычки: бутылочка с шампунем никогда не закрывалась, часто опрокидываясь и пачкая полку густой жидкостью, зубная паста подсыхала с краю, так как тюбик тоже редко встречался с крышкой. В их доме обязательно хоть одна дверца шкафа была неплотно закрыта, свет в туалете или в ванной горел сутками. Вилки и ложки редко блестели, а в кухонном шкафу большинство круп неизбежно рассыпались на полках, стоило протянуть к ним руку. Открывая пакеты, Яна всегда их рвала, не желая тратить время на срезание уголка.

Павел часто ловил себя на мысли, что придушил бы Яну, но уже тогда она физически заметно превосходила его и с лёгкостью давала сдачи. Янина тяга к спорту и время, проведенное в спортзале, бесили Павла более всего. Сам он тяжелее книги ничего в руках не держал и презирал «тупых качков».

Это была какая-то мучительная любовь, с постоянными уходами и обвинениями, но тогда казалось, что никого счастливее их нет в целом свете.

На тренировке Яна наконец-то смогла отвлечься от мрачных мыслей и погрузиться в царство тестостерона. В зале по выходным всегда было многолюдно, а последнее время вести здоровый образ жизни стало модно и любителей «потягать» железо существенно прибавилось. Тренер теперь редко подходил к Яне, разве только поздороваться. Периодически он корректировал её программу и перекидывался парой дежурных фраз о самочувствии и протеиновых коктейлях.

Хорошенько пропотев, Яна вышла из зала, когда на улице уже смеркалось. Настроение существенно улучшилось, мышцы приятно ныли, напоминая о своём существовании.

Домой идти не хотелось. Ближе к ночи её маленькая уютная квартирка навевала тоску и напоминала об одиночестве. Даже собаку или кошку Яна не завела. В принципе, она любила животных, особенно котят и щенят, но желания держать их в городской квартире не возникало. Шерсть, вонь от туалета, подранная мебель и обои отвратили от этой затеи ещё в юности, когда она решила приютить уличного кота.

Яна медленно шла вдоль ярко светящихся витрин, сосредоточившись на выборе продуктов для ужина, когда услышала знакомый голос.

– Яночка, погодите!

Она остановилась и обернулась, даже не догадываясь, кто из знакомых мог её окликнуть. Торопливым шагом к ней приближался Виктор. Его глаза радостно горели, лицо покраснелось от быстрой ходьбы.

– Виктор? – уточнила Яна, втайне надеясь, что правильно вспомнила имя преподавателя с кафедры.

– Как я рад, что вот так случайно вас встретил! – Он виновато улыбнулся. – Не сильно отвлекаю?

Яна пожала плечами.

– От ходьбы? Не сильно.

– Не возражаете, я вас немного проведу. В наше время женщине небезопасно ходить одной, особенно когда уже стемнело.

Яна промолчала, вспоминая травматический пистолет в сумке и одновременно оглядывая чахлая фигуру новоиспечённого защитника.

Виктор сделал приглашающий жест рукой, и дальше они продолжили движение вместе.

Разговор не клеился, Яна больше отмалчивалась, надеясь, что попутчик устанет от скучной беседы и оставит её в одиночестве. Виктор даже не заметил отрешённости спутницы, приняв молчаливость за стеснительность. Эта прогулка не входила в его планы, но упустить возможность переговорить с Яной было бы глупо.

Проводив её до остановки, он наконец-то решился предложить:

– Завтра вы не сильно заняты? Давайте сходим куда-нибудь.

Яна на мгновение заколебалась и согласно кивнула.

– Давайте.

Виктор тут же приободрился, глаза довольно заблестели.

– В семь часов в музыкальном театре потрясающая комедия. Билеты я достану.

Билеты он давно уже купил и рассчитывал предложить этот поход ещё вчера, только вот потерял свою зазубу из вида.

– Хорошо. Там и увидимся, – поспешно предложила Яна, лишая ухажёра возможности приехать к ней домой, – до свидания.

***

Проснувшись за час до звонка будильника, Демьян долго лежал в постели и смотрел в потолок – спать не хотелось вообще. Ещё ночью вернулся дождь, затихавший на выходные, будто погода сделала одолжение. Мужчина рассеянно наблюдал за тем, как небо светлеет, окрашивается в мутно-розовые тона, что, видимо, означало рассвет. Впервые на него напала такая апатия, сегодня «стакан явно будет наполовину пуст».

Ещё горше становилось от осознания собственной слабости. Воспоминания об окончании пятничного вечера в кровати Карины заставили Демьяна скривить рот в горькой усмешке. Он нарушил основное правило нормальных взаимоотношений в коллективе – переспал с кол-

легой. Если ты только не собираешься жениться на партнерше ночных утех, это совершенно непозволительно. Жениться он не собирался. Не потому, что был закоренелым холостяком, вовсе нет. Еще в студенчестве Демьян два раза собирался обзавестись семьей. Каждую из своих возлюбленных он звал под венец. Но только вот девушки не стремились обзаводиться семьей и потомством в столь раннем возрасте. Оба раза он получил отказ. А потом просто не складывалось. Отношения были, но прожить вместе и вырастить общих детей не хотелось.

Последнее время он стал задумываться, что подходящую пару, скорее всего, не найдёт, слишком уж привык к одинокому эгоистичному существованию. Ненужно ни под кого подстраиваться, менять привычки, урезонивать нрав и воспитывать характер. Его устраивала одинокая жизнь: можно забыть кружку из-под чая до утра в раковине, можно оставить на завтра полпорции лапши быстрого приготовления, использовать в качестве закладки для книги пульт от телевизора и не бояться, что кто-то его достанет и использует по прямому назначению.

Появление женщины в своей жизни, скорее всего, он воспринял бы как вторжение. Именно поэтому сам Демьян считал, что ранние браки лучше поздних. Проще привыкнуть к чему-то новому, легче меняться. Единственное о чём он жалел, что у него нет детей. Сам себе он давно доказал, что умеет находить общий язык и с малышкой, и подростками. Кроме работы в институте, Демьян подрабатывал детским психологом. Помогал первоклассникам легко обживаться в новой обстановке, жертвам пубертатного периода – разрушать стену непонимания с родителями. Дети лгали меньше и не так изоциренно, как взрослые, а самое главное почти всегда для этого у них была веская причина. А вот взрослые не переставали удивлять непреодолимой тягой к обману.

Демьян и не надеялся, что выходные сотрут воспоминания. Сегодня его ждёт не самое приятное начало недели. Сильно осложняла ситуацию болтливость Карины и то, что коллектив на две трети состоит из женщин. Скорее всего, она не сдержится и кому-нибудь пожалуется. А дальше сплетня обрстет интересными подробностями, бабья составляющая кафедры начнет тихо его ненавидеть и порицать за грубое обращение с чувствами коллеги. Даже Диплодок подключится и задавит вескими аргументами. Женская солидарность – страшная сила.

В субботу Демьян как обычно встретился с лучшим и, пожалуй, единственным другом. До того, как он получил травму, они играли в волейбол, а теперь пришлось перенести место трéпа в парк или ближайшее к спортивному клубу кафе. Иннокентий, в обиходе Кеша, не желал пропускать тренировки, что, по его мнению, грозило появлением жировых складок.

Познакомились друзья ещё в школьные годы. В девятом классе, когда мальчишки становились все мускулистее и бородачее, Кеша начал активно полнеть. Он и до этого не считался красавцем, а теперь превратился в предмет насмешек. В те годы мало кто слышал о гомосексуалистах и полных женоподобных мальчиков с плавными жестами и чувствительной душой банально гнобили. Демьян тоже не отличался популярностью в школе. Высокий и худой, с неприятным неэмоциональным лицом, длинной шеей, неразговорчивый и к тому же отличник. Он всегда застегивал рубашки на все пуговицы и заправлял их в брюки. Редкая светлая растительность на лице не требовала знакомства с бритвой, что заметили быстро повзрослевшие одноклассники.

Наверное, так уж было суждено, что два непопулярных мальчика сдружились, найдя друг в друге поддержку. По отдельности у каждого из них было прозвище. У Демьяна – лошадиная морда, у Кеша – кабан, а вместе их называли Тарапунька и Штепсель⁵. Мало кто из детей знал, кто такие эти самые Тарапунька и Штепсель, просто повторяли за взрослыми, однажды обозвавшими так их разнокалиберный дуэт.

---

⁵ Тарапунька и Штепсель – комический дуэт народных артистов УССР Ефим Березин и Юрий Тимошенко.

Самым большим потрясением для Демьяна стало открытие, что женоподобный эмоциональный друг вовсе не гей. Манерное поведение создавало неверный образ, мешая Иннокентию знакомиться с девушками.

Кеша жестоко страдал от унижения и придириков одноклассников, особенно когда к этому подключались девочки, а вот Демьян внешне никак не реагировал на оскорбления и не стремился подружиться с кем-нибудь ещё. Единственным человеком, чье мнение было для него значимо, оставался родной брат Глеб, младше Демьяна на четыре года. Внешне братья отличались настолько, будто ни одного общего гена у них не было. Темноволосый, смуглый Глеб славился как любимчик девушек и универсальный спортсмен.

К окончанию школы и Демьян, и Кеша мигрировали из группы изгоев в самый многочисленный средний пласт. Таких детей учителя обычно не запоминают: не самые популярные, но и не хулиганы. Обычные подростки, чьи имена быстро стираются из памяти.

В тридцать шесть лет Кеша выглядел гораздо моложе, как ни странно, полнота молодила его, не давая образовываться морщинам вокруг глаз и рта. Его лицо состояло сплошь из горизонтальных линий. Тонкие брови подчеркивали большой лоб, глаза и рот выглядели удлинёнными и узкими, даже нос распластался над верхней губой, навевая мысли о чернокожих предках Иннокентия. Уважаемая и доходная профессия пластического хирурга давала возможность экспериментировать со своей внешностью. Говорил он много, вычурно, используя в речи самые малоупотребительные слова. Настойчиво делал вид, что это врождённый талант, передавшийся ему вместе с геном, отвечающим за тонкую душевную организацию. На самом же деле каждое утро Иннокентия начиналось с изучения нового редкого слова.

Эта крепкая дружба длилась уже много лет, обрастая сплетнями среди старых школьных знакомых. Все были уверены, что у мужчин самая настоящая любовь. Несмотря на то что иногда в жизни Демьяна и даже Иннокентия появлялись женщины, сплетники называли такие романы просто прикрытием для «голубой» связи.

Вчера Демьян не стал распыляться на подробности и просто сообщил другу, что переспал с коллегой. Кеша вычурно и доходчиво обругал его, порекомендовал приструнить либидо и посоветовал уволиться в ближайшее время или сделать так, чтобы уволили Карину.

Теперь его ждёт встреча с Кариной в рамках рабочих отношений, её озлобленный взгляд и осуждающие вздохи преподавателей.

На кафедре было тихо, словно перед бурей. Совместный уход Демьяна и Карины с веселого праздника не остался незамеченным, а если кто-то это пропустил, бдительные коллеги поспешили донести. Кое-кто даже делал ставки.

Софья Даниловна и Виктор с наигранной увлечённостью всматривались в распечатки собственных лекций. Яна что-то быстро набирала на клавиатуре: судя по лёгкой хитрой улыбке и суетливому взгляду, она просто воспользовалась рассеянностью коллег и залезла в социальную сеть.

– Доброе утро, – коротко поздоровался Демьян, приближаясь к столу лаборантки. Быстрого взгляда на экран компьютера оказалось достаточно, чтобы удостовериться в предположении насчёт дармового использования рабочего интернета.

Сегодня Яна не выглядела рассеянной и сонной, наоборот, её переполняла энергия. Светло-карие глаза сияли, жёсткие волосы не топорщились, а были собраны в аккуратный хвост. Ещё несколько секунд изучения облика девушки добавили информацию об утренней тренировке и поспешном завтраке на ходу.

– Доброе утро, – Яна встала и уже направилась к чайнику, но вдруг приостановилась с чашкой в руках. – Вам сделать кофе?

Демьян кивнул, стараясь не замечать недовольные взгляды коллег. Судя по всему, Яна по незнанию или нарочно только что нарушила негласное правило игнорировать его.

– Если бы когда-то давно козы не начали вести себя возбужденно, отведав плодов кофе, может статься, мы бы до сих пор не были знакомы с этим напитком.

Никто не отреагировал на эту странную реплику, кроме Яны.

– Какие ещё козы?

Преподавательницы возмущённо зашикали на любопытную Яну, бесцеремонно нарушившую бойкот, а Демьян удовлетворенно пояснил:

– Это одна из версий открытия кофе. Его использовали в монастыре, чтобы прогнать сон на бесконечных богослужениях, а подсказку к этому дали именно козы, обожравшиеся кофейных зёрен и возомнившие себя горными тушканчиками.

Яна протянула кружку кофе, широко улыбаясь мужчине:

– Виват, козы!

Время первой пары приближалось, а никто из присутствующих не спешил покинуть помещение. Карина, как обычно, опаздывала, и возможность поглазеть на поведение двух коллег ускользала, оставляя любопытство зудяще неудовлетворённым. Звонок заставил преподавателей оставить наблюдательный пост и вернуться к своим прямым обязанностям. Демьян первый покинул перегруженную эмоциями комнату, сосредотачиваясь на теме семинара.

Вернувшись на кафедру после занятия, он был порядком удивлён, обнаружив, что в кабинете никого нет. Даже Яна где-то бродила. Расписание Демьяна на сегодня включало только одну пару, поэтому он с чистой совестью рассчитывал покинуть институт, пока не объявилась Карина и другие зрители разыгравшейся трагикомедии. Он открыл шкаф и уже взялся за вешалку с пальто, когда обратил внимание на спортивную сумку Яны, небрежно засунутую в угол. Молния была приоткрыта и оттуда выглядывала белая измятая футболка, которая казалась влажной. Ни секунды не задумываясь, Демьян подтянул брюки и присел у открытой дверцы шкафа. Напоминая о травме, ногу уколола боль.

Потянув за торчащий из сумки край одежды, Демьян осторожно принюхался. Его лоб прорезали глубокие складки, брови нахмурились. Он повторно, на этот раз глубоко вдохнул, его глаза удивлённо округлились, пульс участился. Едва он поднялся, как в комнату вошла Яна. Их взгляды встретились, и Демьяну стоило немалых усилий сохранить невозмутимое выражение лица, хотя чувство, что он сделал что-то недозволенное и даже постыдное, никуда не делось.

Яна равнодушно отвернулась и направилась к компьютеру. Демьян проводил её внимательным взглядом, по-новому присматриваясь к коллеге. Рост небольшой, но осанка королевская и плечи уверенно расправлены. Демьян почему-то никак не мог привыкнуть к азиатской внешности Яны. Больше всего его удивляли глаза, как будто нарисованные на туго натянутой желтоватой коже чёрным карандашом. Ресницы короткие и густые, словно щетки, и почти не прикрывают поразительно яркие белки глаз.

Карина стояла в проёме дверей уже несколько секунд и не могла не заметить, как долго и пристально Демьян смотрел в спину лаборантки. Нарочно громко хлопнув дверью, новоприбывшая звонко воскликнула:

– Доброе утро, болото! Офигенно скучно без меня, да?

Яна ответила на приветствие, а Демьян серьёзно кивнул.

Карина бухнула сумку на стол и сама села на столешницу. Она всегда вела себя вызывающе и даже с нарочитой детскостью, но все-таки держалась в определённых рамках, сейчас же её весёлость и беззаботность выглядели слишком неестественными.

– О, Яна, у тебя новая побрякушка?

Яна приподняла над клавиатурой кисть, давая возможность полюбоваться тоненьким серебряным браслетом с вкраплениями янтаря. Ей самой нравилось украшение, хотя его даритель вызывал чувства, близкие к гадливости.

Карина тряхнула тяжёлыми волосами и перевела взгляд на единственного мужчину в комнате.

– Демьян Владленович, вы ничего не потеряли?

Он подошёл ближе к Карине.

– Флешку. Я так понимаю, она у вас?

Она протянула руку и разжала кулак.

– Рассеянный с улицы Бассейной, – её лицо на мгновение скривилось и тут же расцвело широкой улыбкой. – Нужно изобрести флешку с резервуаром для совести и порядочности. В виде шприца. Кольнешь какого-нибудь бессовестного говнюка, и всё – он уже приличный человек.

Демьян осторожно взял флешку, стараясь не касаться ладони Карины. Она смотрела на него прямо, с вызовом, угол рта при этом подергивался, губы никак не складывались в улыбку.

Карина прыгнула со стола и неожиданно громко рассмеялась. Яна оторвала взгляд от монитора и удивлённо посмотрела на неё: на лице Карины отражались все признаки сумасшествия.

– Карин, всё в порядке?

– Замечательно-презамечательно! Я просто поняла, что ненавижу вино с более чем тридцатилетней выдержкой. Оно кислое и мерзкое, а наутро от него болит голова, крутит живот.

Яна хмыкнула и продолжила читать очередную книгу, скрашивающую рабочие будни. Демьян никак не отреагировал на это странное утверждение, просто тихо обрадовался, что кроме несведущей лаборантки в помещении никого не оказалось. Накинув пальто, он затянул шарф и вежливо обратился к Карине:

– Не пейте вино. Для вас пиво, видимо, самое то.

***

У Яны утро понедельника тоже началось не самым приятным образом – с предощущения, что скоро нагрянет очередной призрачный сон. Довольно редко это случалось с такой частотой – ещё не успокоились эмоции после предыдущего раза, как вернулось ощущение постороннего пристального взгляда. Словно кто-то стоит за спиной и всё время заглядывает через плечо.

Чтобы успеть на тренировку и при этом не опоздать на работу, пришлось встать пораньше. Но пробки планировать куда сложнее, и, сидя в автобусе, Яна мысленно подгоняла медленно ползущий транспорт. Её рассеянный грустный взгляд скользил по лицам пассажиров, но, наткнувшись на женщину с трёхлетним ребенком, остановился. Прежде чем изобразить приветливую улыбку, Яна на мгновение растерялась, руки непроизвольно сжались, к горлу подкатил ком. Быстро справившись с мимикой, она приветливо кивнула малышу и больше не поворачивалась в сторону счастливой мамы.

На кафедре показываться не хотелось, Яна опасалась столкнуться с Виктором, ожидая, что вчерашнее свидание привнесло неловкость в их рабочие отношения.

После похода в музыкальный театр Яна никак не могла определиться с чувствами, которые вызывал в ней Виктор. Пока они сталкивались в институте, она вообще не обращала на него внимания и до дня рождения Карины даже имени его не помнила. Воскресный вечер внёс сумятицу в мысли. Виктор был галантен, вежлив, легко шутил, правда, иногда довольно неприятно. Казалось, он всё время сдерживался, чтобы не рассказать очередной скользкий анекдот или не выразить грубое замечание. Он слишком активно пытался произвести приятное впечатление, вызывая подозрения в неискренности: улыбка слишком широкая, комплименты излишне приторные. Он ни разу не дал повода упрекнуть его в невоспитанности, даже подарил красивый браслет, но интуиция бунтовала, призывая держаться от него подальше.

В понедельник Яна снова увиделась с Виктором, и воскресная неприязнь показалась надуманной. Перестав копаться в истоках антипатии, Яна решила, что он ей просто не нравится, а значит, не нужно мучить ни себя, ни его, и сказать об этом прямо. Вот тут как раз спряталась загвоздка. Яне всегда было сложно отказывать мужчинам, придумывать нелепые оправдания, лишь бы не обидеть. Она согласилась на повторное свидание в вечер понедельника, чтобы подготовиться заранее и как можно мягче донести до него неприятную мысль.

Днём её озадачила Карина. Она выглядела нервной и развязной и на психолога смотрела как-то подозрительно, словно пёс, примеривающийся, где бы ухватить за штанину. Яна как обычно отрешилась от перипетий кафедры, подозревая, что это рабочее место тоже ненадолго, а значит, вникать в странные отношения коллег нет смысла.

Вечером на свидании Виктор подарил очередное украшение – маленькую серебряную брошку, судя по всему, из одного комплекта с браслетом. Яна совершенно растерялась. Очень уж настойчивыми выглядели ухаживания. Ей и цветы-то редко дарили, а тут – украшения, пусть и недорогие.

Весь вечер она готовилась сказать о своих чувствах, точнее об их отсутствии, ёрзала на кресле, отвечала невпопад и отмалчивалась. Виктор планировал не просто проводить спутницу, но и убедиться, что она в целостности и сохранности добралась до дома. Вот тут-то Яна и решила на откровенный разговор.

Внешне Виктор отказ воспринял спокойно, сумерки скрыли выражение его лица. Поблагодарив спутницу за два чудесных вечера, он даже не попросил вернуть подарки, только поинтересовался, не передумает ли Яна. Получив отрицательный ответ, молча ушёл, разве что его плечи ссутулились больше обычного.

На следующий день первым, с кем Яна столкнулась, едва преступив порог института, оказался Демьян. Он замер в проёме, придерживая дверь, и слегка отступил в сторону, пропуская её вперёд. Она впервые увидела, как он улыбается. Лицо изменилось, кожа собралась складочками вокруг глаз и рта, даже на висках и на лбу. Уши слегка приподнялись, подбородок ещё больше заострился. Не сказать, чтоб это было красиво, более точное слово – поразительно. Это было так неожиданно и нехарактерно для серьёзного и немного циничного Демьяна, что Яна растерялась, произвольно отвечая на его улыбку.

– Доброе утро, – коротко ответила она, даже не предпринимая попытки отклониться или сделать шаг назад.

– Доброе утро, Яна. – Демьян, естественно, заметил, как легко и незаметно для самой себя она впустила его в личное пространство. – Красивая брошка.

Её брови тут же слегка сдвинулись к переносице, уголки губ опустились.

– Спасибо, – рассеянно проговорила она, соскользнув мыслями в неприятные для себя воспоминания.

Оставив Демьяна, словно швейцара у распахнутых дверей, она поспешила на кафедру. Ожидалась очередная выволочка от Диплодока, показное игнорирование от Виктора и кипучая веселость от Карины.

Поднявшись на второй этаж, Яна успела сделать пару шагов, прежде чем взгляд наткнулся на двух людей в конце коридора. Виктор стоял к ней спиной, но не узнать его сутулый силуэт было невозможно. Напротив него, сложив руки на груди, стояла очень полная девушка с одутловатым лицом. Студенты довольно часто заглядывали на кафедру с просьбой «Можно сделать ксерокопию?», но по именам Яна знала от силы двоих.

Девушка виновато опускала взгляд, что-то бормотала и, кажется, плакала. Виктор укоризненно качал головой, переступал с ноги на ногу, его руки были заложены за спину, пальцы крепко стискивали запястье, свободная кисть сжалась в кулак. Яна не хотела попадаться на глаза недавнему ухажеру и быстро проскользнула на своё рабочее место.

Едва за ней закрылась дверь, как в комнату вошёл Виктор. Встретившись взглядом с Яной, он отступил назад и дёрнул подбородком в сторону.

– Доброе утро, – вежливо поздоровался он. Зрачки сузились, превращая голубые глаза в холодные зеркала. Брошка и браслет, естественно, не остались незамеченными. То, что, отвергнув дарителя, девушка продолжает носить его подарки, порядком злило Виктора.

– Доброе, – почти вопросительно ответила Яна, руки непроизвольно принялись перебирать карандаши в подставке.

Виктор на мгновение нахмурился и доверительно сообщил:

– Вы, должно быть, видели, как я отчитывал свою студентку? – Его взгляд суетливо перебежал с одного предмета на другой. – Сложная ситуация...

Договорить помешал телефонный звонок. Яна мельком глянула на экран. Увидев высветившееся слово «папуля», прижала трубку к уху и повернулась спиной к собеседнику.

– Янковский, привет! – радостно воскликнул Григорий Николаевич.

– Привет, пап. Я на работе.

– Заедешь завтра? – голос слегка дрогнул.

– Нет времени, в другой раз – отрезала Яна.

На какое-то время трубка замолчала, только шумное дыхание вырывалось из динамика, выдавая волнение говорившего.

– Ты уверена?

– Уверена. Всё в порядке, я вас навещу на следующие выходные. Передавай привет маме.

Яна сама отключилась, не дожидаясь, когда отец приступит к новой порции вопросов. Она понимала, что родители волнуются за неё, но завтрашний день она собиралась провести в одиночестве, без сочувствующих взглядов и докучливой опеки.

До конца рабочего дня Яна заработала шесть замечаний от Софьи Даниловны и даже смутную угрозу увольнения. Если это случится на самом деле, Яна поставит личный рекорд по кратковременности работы на одном месте. Чтобы не подкидывать Диплодоку новую тему для докладной, она досидела до конца рабочего дня. Стоило стрелке упереться в цифру «пять» на циферблате, как Яна схватила сумку и понеслась к выходу.

Ощущение чужого присутствия, мозолящего затылок, не проходило, это жутко раздражало, всё время тянуло обернуться и достать травматический пистолет. С тех пор как три года назад Яна получила разрешение на ношение оружия, ещё ни разу не приходилось его использовать, но тяжесть травмата приятно успокаивала и вселяла уверенность.

Поднимаясь по лестнице, она столкнулась с соседом Максимом. Его лицо было грустным, даже скорбным. Яна заволновалась:

– Что-то случилось?

– Бабушке ночью было плохо, – сдавленно выдохнул он.

– Как она сейчас?

– Уже лучше. Но я так испугался. Понимаете, я ведь никогда не сталкивался со смертью. Никогда не видел, как умирают. Это странно, я не готов к такому. – Он стыдливо вытер непрошенные слезы кулаком и отвернулся.

– Я загляну к вам вечером. Можно?

– Даже не знаю. Сейчас бабушка спит. Не хочу её будить, пусть отдохнет хорошенько. Может, завтра?

Яна кивнула, содрогаясь при слове «завтра». Двадцать третье октября будет одним из самых мрачных дней.

– Утром забегу к вам.

Поужинав остатками завтрака, Яна включила телевизор и окунулась в проблемы героев старого индийского кино. Голливудские боевики, английские психологические фильмы и даже советские шедевры не достаивались её внимания. Чем лучше и достоверней оказывался

фильм, тем меньше он вызывал симпатий. Наигранные печали, ненатуральные драки, нелепые злодеи – то, что доктор прописал. «Пусть поют и пляшут и не затрагивают чувства», – подумала Яна, погружаясь в перипетии сюжета.

Приняв душ около девяти часов вечера, расстелила кровать и приготовилась встретиться с очередным призраком. Спать, как назло, не хотелось. Яна нервничала, старалась измучить сознание, пересчитывая выдуманных слонов, но веки не желали слипаться, любая поза казалась неудобной, пижама заворачивалась, волосы набивались в рот.

Когда сон всё-таки изволил впустить её в своё царство, время близилось к полуночи.

Пройдя сквозь мешанину из сумбурных кусков реальности, пульсирующих потолков и вращающихся стен, Яна выбралась на палубу корабля. За бортом простиралось бесконечное жёлтое море, гладкое, словно стекло. В лазурном небе парили большие жирные, словно пингвины, чайки, кричащие, как десяток младенцев. Судно слегка покачивалось, заставляя попеременно приседать то на одной, то на другой ноге. Яна обвела диковинную панораму изумлённым взглядом и замерла, наблюдая за приближением гостя. Навстречу шёл невысокий мужчина в военной форме. Чёрные густые волосы обрамляли размытое лицо, обе руки прятались в карманах. За спиной гостя призрачными тенями скользили двое стариков с одинаково хмурыми, искажёнными в крике лицами. Едва Яна моргнула, как жуткие люди исчезли, оставив после себя тени.

Мужчина остановился в двух шагах и склонил голову набок.

– Сегодня он убьёт мою Машу. Ты должна остановить этого сукина сына.

Яна уже привыкла, что призраки редко изъясняются чётко и сразу переходят к делу, поэтому постаралась выпытать у гостя необходимые подробности:

– Как фамилия вашей Маши? Кто её убьёт?

Мужчина нахмурился, заглядывая в закрома памяти.

– Внук мой, подлец! Сегодня закончит начатое, он сделает укол! – срывающимся от чувств голосом выкрикнул он.

– Да говорите же яснее! Как зовут внука? – занервничала Яна.

– Максим.

Услышав имя, Яна занервничала, тут же в голову ударило произнесённое призраком имя – Маша.

– Мария Львовна? – с ужасом предположила она.

– Моя Маша, – кивнул мужчина, начиная растворяться в воздухе.

Яна успела ещё раз полюбоваться нелепым видом упитанных чаек, прежде чем её рывком вытолкнуло в реальность.

Она вскочила с кровати, схватила с тумбочки пистолет и прямо в пижаме выбежала из квартиры. Пересекла лестничную клетку и буквально врзалась в соседнюю дверь.

– Откройте немедленно! Пожар! – закричала она, заколотив по дерматину кулаками.

Не прошло и минуты, как дверь распахнулась, за ней стоял аккуратно одетый и совершенно не сонный Максим. Он был явно взволнован, ещё больше напуган.

– Где пожар?

Яна толкнула юношу плечом, бесцеремонно проникая в квартиру. Бегом преодолела коридор и влетела в спальню Марии Львовны. Старушка полулежала на кровати, дрожащие пальцы удерживали стакан с водой. Увидев в своей комнате соседку, она слабо удивилась, словно не осознавая, что это не сон.

– Яночка, что такое?

Яна выхватила стакан из рук Марии Львовны и вылила жидкость прямо на пол. Несмотря на то что гость из сна говорил о шприце, не хотелось рисковать. Может, у Максима есть запасной план.

Внимательно оглядев комнату и наткнувшись взглядом на полку с лекарствами, она напряжённо спросила:

– Ночь давно, почему вы не спите?

Мария Львовна слегка нахмурилась, этот же вопрос она хотела задать неожиданно появившейся соседке.

– Максим сказал, что нужно укол сделать...

– Бабушке плохо было, – закончил предложение подошедший сзади Максим.

Яна резко развернулась, выставя пистолет вперёд.

– Где шприцы?

Юноша отступил назад, на его лице успело смениться несколько выражений: растерянность, испуг, злость – затем их снова скрыла маска вежливости и лёгкого удивления.

– Все бабушкины лекарства здесь, – он указал на полку. – Не могу понять, что происходит? Вы кричали о пожаре, а теперь вас интересуют шприцы.

Яна сделала шаг вперёд и угрожающе прошипела:

– Что ты собирался сделать, урод?! Что ты хотел вколоть?

Максим непонимающе завертел головой.

– Яна Григорьевна, что с вами? Я вызову полицию, если вы не уберете от меня оружие и не покинете квартиру.

– Не ломай комедию. Я знаю, что ты планировал убить свою бабушку. Где шприц?

Дуло пистолета уперлось в лоб Максима. Он крепко стиснул зубы и сжал кулаки. Его лицо резко изменилось. Вроде те же глаза, те же губы, но исчезло выражение покорности и чуткости, словно перед ней стоял совершенно другой человек. Яна смутно припомнила, что Максим, кажется, учится в театральном институте.

За её спиной раздался взволнованный голос Марии Львовны:

– Яна, что происходит? Это же глупость какая-то, зачем ему убивать меня? Он меня, наоборот, буквально спас после инфаркта! Если бы не он, не представляю, что бы со мной было.

Яна замерла, пристально всматриваясь в лицо парня. Он сглотнул и бросил быстрый взгляд в сторону прикроватной тумбочки. Только тут Яна заметила, что на ней лежит шприц. Максим перехватил этот взгляд и ринулся вперёд, она кинулась следом за ним. Едва парень достиг кровати, как Яна замахнулась и ударила его рукоятью пистолета в затылок. Он завизжал и повалился набок, хватаясь за голову.

Направляя пистолет в сторону стонущего Максима, Яна подошла ближе к тумбочке и удивлённо уставилась на шприц, крупный, на вид не медицинский. В нём плескалась почти прозрачная жидкость неизвестного происхождения. Несмотря на страх перед оружием, Максим умудрился схватить шприц. Выпустив лекарство прямо на пол, он поспешно размазал прозрачную лужу ногой.

Продолжая удерживать на прицеле неудавшегося убийцу, Яна обратилась к Марии Львовне:

– Вы случайно на него квартиру не переписали?

Пожилая соседка медленно кивнула.

Яна печально произнесла:

– Вам нужна новая сиделка.

4 глава. Годовщина

Яна опять опаздывала на работу. После разыгравшейся ночью драмы долго не могла уснуть. Тяжело было определить, что больше ужаснуло и разозлило – чудовищно циничный поступок Максима или желание Марии Львовны не разглашать едва не состоявшееся убийство. Её любовь к внуку оказалась не только слепой, но и поистине сумасшедшей. Максим же дураком не был и ещё до рассвета съехал с квартиры, пока бабушка не передумала и не позвонила в полицию. У Яны практически не было выбора – вряд ли её сон мог послужить полноценным доказательством, разве что для психиатров. Те бы точно пожелали провести душевную беседу с сумасшедшей, врывающейся в чужие квартиры.

Пришлось вызвать такси и пропустить тренировку. Предыдущая неделя закончилась трагедией на крыше, эта началась сумбурно и крайне неприятно. Сразу же вспомнились горы ароматных пирожков, преподнесенные Максимом. От одной только мысли о двуличности тихого вежливого соседа к горлу подступила тошнота.

Призрачные сны не только начали приходить с поразительной частотой, но и обзавелись новыми подробностями. В последних двух к посетителям добавились ещё жуткие детали. Сначала лица на облаках, потом тени за спиной мужчины. Яна уже привыкла, что обстановку создавало её воображение, поэтому места, где происходили беседы с призраками, редко выглядели обыденно. Но это было что-то другое, не её фантазия – это были привидения. Они кричали, молили о помощи, врываясь в сны.

Яна мельком взглянула на экран телефона, чтобы ещё раз убедиться – опоздание неминуемо – и застыла, увидев дату. Цифры острыми иглами вонзились в глаза. Сердце пропустило пару ударов и зашло в сумасшедшем темпе.

– Остановите, – и резко передумала: – Нет, в другое место везите, на Комсомольскую, тридцать.

Машина затормозила, зарываясь колесами в размокшую землю, грязью забрызгало не только двери, но частично боковые стекла. Водитель тихо выругался и недовольно пробурчал: – Приехали.

Яна быстро расплатилась и открыла дверь. Ноги тут же увязли в слякоти, от промокания спасли высокие голенища сапог, но холодная жижа неприятно облепила обувь, создавая ощущения сырости. Дорога, засыпанная гравием, была всего в полуметре от того места, где сейчас стояла Яна.

Она стиснула зубы и сделала первый шаг в сторону кладбища. В голове разом исчезли все мысли, звенящая пустота пульсировала, растекаясь по всему телу. Яна рывками продвигалась вперёд, будто ноги вязли в песке, руки плетями висели вдоль тела. Со стороны она выглядела как зомби, возвращающийся домой на погост.

У квадратного чёрного памятника с белым каменным голубем, примостившимся в правом углу, Яна остановилась и тут же рухнула прямо на мокрую скользкую траву. Отрешённый, истекающий болью взгляд упёрся в табличку: «5 апреля 2010 – 23 октября 2012 года. Спи сыночек-ангелочек».

Яна не помнила, сколько простояла у могилы сына, джинсы промокли, ноги занемели, лицо покрылось соленой слезной коркой. От неожиданного прикосновения к плечу она слегка вздрогнула и, не оборачиваясь, произнесла:

– Ты же обещал прийти после обеда.

Павел зябко повёл плечами и приподнял воротник пальто.

– Когда мне удобно, тогда и прихожу, – он наклонился и поставил в вазу роскошный букет из белых лилий. Поправив цветы, недовольно пробурчал: – Ты, как обычно, без цветов.

Яна поднялась с колен и оглядела бывшего мужа. Они не виделись с тех пор, как подписали документы о разводе и разделили имущество. Павел больше не походил на безусого мягкотелого юнца, отрастил бородку, изменил стрижку, даже одеваться стал по-другому. Куртку и джинсы сменил на чёрное длинное пальто и классический костюм. Яна внешне не изменилась, и мужчина смотрел на бывшую жену с толикой отвращения и непонимания. Заплаканная и грязная – сейчас она выглядела лет на пять старше своих тридцати и вызывала только жалость.

– Ты плохо выглядишь, – прямо заявил Павел, отчего-то желая унижить когда-то самого близкого человека.

– Я знаю, – бесстрастно ответила Яна.

Мужчина виновато отвёл взгляд, пряча руки в карманах.

– Ты знаешь, я женюсь, – Павел сам не понял, как сказал это. Последнее, в чем хотелось признаться на могиле собственного сына, – это то, что он окончательно разлюбил его мать.

Яна не знала, как реагировать на эту новость, хотелось напомнить, что печать на бракоразводных документах за полгода ещё не высохла, но поняла, что ей всё равно.

– Зачем ты поставил этот памятник. Дима никогда не любил чёрный цвет и голубей, кстати, тоже. Ему воробьи нравились.

Павел словно ждал предложения, чтобы высказать всё, что накопилось за последнее время, всё, что не высказал жене после похорон.

– Я хоть что-то решил! Хотя бы что-то для него сделал! Кто-то же должен был взять себя в руки?! Между прочим, он был и моим сыном тоже!

– Твоим сыном? – едко процедила Яна сквозь зубы. – Ты хоть раз за полтора года уложил его спать, покормил? Кто укачивал, когда у него болел животик или резались зубы? Ты помнишь, как пахли кудряшки на затылке твоего сына? Ты знал, что он боялся светящейся собаки, что ты ему подарил? Он для тебя был очередной заполненной графой в паспорте: женат, есть ребёнок.

Глаза Павла гневно сузились.

– Вот, значит, как? А кто взял на себя все хлопоты о похоронах? Ты хоть что-то сделала? Нет, у бедной Яночки крыша поехала, у неё сил не было. Мне, думаешь, легко было? У меня выбора просто не было!

Яна оттолкнула Павла и пошла к выходу из кладбища. С бывшим мужем у них не осталось ничего общего, даже воспоминания разнились.

Боль утраты продолжала скрести сердце когтистой лапой, заставляя рывками глотать воздух. Чёрная дыра в груди за прошедший год никуда не делась, а всё так же поглощала мысли и чувства.

Дима умер полтора года назад. В тот день в мире остались только чёрно-белые краски, душа обзавелась никогда не заживающей кровоточащей раной – время не справлялось с обязанностями лекаря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.